

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ
Специальная тема: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

Кемерово, 8-9 октября 2020 г.

Кемерово

КемГУ

2020

УДК 332.1(063)
ББК У9(2Рос019)я431
Р 32

Редакционная коллегия:
д.э.н., профессор Левин С.Н.
к.э.н., доцент Саблин К.С.

Р 32 Региональное развитие: экономика и социум. Специальная тема: Национальные проекты: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 8-9 октября 2020 г. / отв. за вып. К.С. Саблин. – Электрон. дан. (2,53 Мб). – Кемерово: КемГУ, 2020. – Электрон. опт. диск (CD-Rom). – Систем. Требования: РС не ниже класса Pentium I; 128 Mb Ram; Windows 98/XP/7; Adobe Reader v 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-8353-2701-0

В ходе конференции был рассмотрен широкий круг тем: актуальные проблемы развития регионов ресурсного типа; институциональное и социальное проектирование развития национальной и региональной экономики; проектное управление в частном и публичном секторах. Специальная тема конференции была посвящена рассмотрению проблем и перспектив реализации Национальных проектов в России.

Содержание материалов конференции может быть полезно всем интересующимся вопросами институционального и социального проектирования развития экономики и социума в современной России.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-8353-2701-0

УДК 332.1(063)
ББК У9(2Рос019)я431

© Кемеровский государственный университет, 2020

Электронное научное издание
Компьютерная верстка

СОДЕРЖАНИЕ

1. Антипанова О.А. Комплекс мер социального проектирования, направленный на активное долголетие	6
2. Апарина Н.Ф., Челомбитко А.Н., Кузнецова Т.А. Институциональные ловушки внедрения проектов бережливого производства	7
3. Барышева Г.А., Барышев А.А., Бабышев В.Ю. Новая роль институтов в функционировании материально-дискурсивных практик	9
4. Барышева Г.А., Хаперская А.В., Егорова М.С. Режим вовлеченности - новый институт в условиях трансформации общественных отношений	10
5. Бельчик Т.А. Реализация национального проекта "Повышение производительности труда и поддержка занятости" на региональном уровне	11
6. Брежнева А.Д., Адова И.Б. Национальные приоритеты в контуре стратегии развития региона	12
7. Бурматова О.П. Региональное развитие в системе национальной экономики	14
8. Гимрих К.Н., Недоспасова О.П. Внедрение органического производства в сельском хозяйстве России: анализ основных рисков и шансов	15
9. Глазырина И.П., Забелина И.А. Эффективность природоохранных институтов в регионах трансграничного взаимодействия с КНР	16
10. Головацкий Е.В. Мобилизация социальных ресурсов территории в интересах реализации национальных проектов	17
11. Гордеев Р.В. Сравнение индексов сравнительных преимуществ в торговле на примере лесной отрасли	18
12. Горячев В.П. Институциональные изменения на рынке городского общественного транспорта в ретроспективе	20
13. Григорик Н.Н. Проблемы действующей системы оценки муниципальных органов власти	21
14. Демченко О.С. Стабилизация макроэкономической динамики России через развитие институтов поддержки потребления	23
15. Еремина С.Л. Национальный проект «Демография / старшее поколение». Оценка эффективности финансирования методом мин/макса	24
16. Зимнякова Т.С., Самусенко С.А. Факторы производительности труда в ресурсных и «нересурсных» регионах Российской Федерации	25
17. Зиязов Д.С. Экологический транспортный налог, как инструмент природоохранной политики	27
18. Зобова Л.Л., Евдокимова Е.К. Тенденции трансграничного образования в Кузбассе	28
19. Иванцова Е.Д. Параметры успешности реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов	30

20. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Региональная поливариативность семейной политики в контексте национального проекта «демография»	31
21. Карпов А.Л. Проблемы повышения конкурентоспособности предприятий внутри кластера	32
22. Кашапова Э.Р. Оценка ресурсного потенциала старшего поколения.....	33
23. Курбатова М.В., Донова И.В. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа.....	35
24. Лазуткин В.К. Совершенствование системы мотивации научного персонала.....	36
25. Левин С.Н. Проектное управление социально-экономическим развитием в современной России: институциональный подход.....	37
26. Лысенко Е.А. Подходы к определению конкурентоспособности выпускников вузов: национальный и региональный аспекты.....	39
27. Маланина В.А., Фролова Е.А. “Невидимые бедные”: к вопросу о бедности среди пожилых людей в России.....	41
28. Мальцева П.В., Недоспасова О.П. Социальное партнерство в трудовой сфере: основные проблемы формирования и перспективы развития.....	40
29. Маркелов В.А. Государственно-частное партнерство в реализации национальных проектов.....	42
30. Маслов М.П., Петров С.П. Промежуточные итоги реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2018 г.....	44
31. Мельников В.В. Культура как фактор финансовой эффективности расходов в государственной контрактной системе РФ.....	46
32. Морозова Е.А. Социально-экономическое развитие региона: социолого-статистическое измерение.....	47
33. Мухачёва А.В., Грязнова Н.Л. Оценка социально-экономического развития региона: вопросы анализа и интеграции показателей.....	48
34. Недоспасова О.П., Павлова И.А. Траектории вовлеченности пожилых людей в региональный социум: оценка эффективности с точки зрения интересов индивида, работодателя и общества.....	50
35. Нефёдкин В.И. Институциональные проблемы развития технологической инфраструктуры: кейс Новосибирского Академпарка.....	51
36. Нятина Н.В. Возможности гражданского соучастия населения в реализации национальных проектов.....	52
37. Орлова А.В. Национальный проект в сфере образования: возможности реализации в регионе.....	53
38. Павлова И.А., Недоспасова О.П., Барышева Г.А. Разработка алгоритма комплексной оценки социально-экономической активности граждан старшего поколения в региональном социуме на различных этапах их жизненной траектории.....	54

39. Пастухова Е.Я., Кочнева О.П. Трудовой потенциал региона: демографические, социально-экономические проблемы развития (на примере Кемеровской области)	56
40. Пляскина Н.И. Адаптация модельного аппарата долгосрочного планирования ресурсного мегапроекта для учета институциональных условий	57
41. Пыжев А.И., Гордеев Р.В., Иванцова Е.Д. Подход к моделированию влияния динамики углеродного баланса на экономические параметры развития лесного комплекса	58
42. Пыжев И.С. О моделировании институциональной среды	59
43. Пыжева Ю.И. Оценка благополучия населения России с учетом экологических и социальных последствий экономического роста	61
44. Рыжих К.Э. Реализация национального проекта "Производительность труда и поддержка занятости" в регионах ресурсного типа	62
45. Рыжкова М.В., Замбалаева Т.Б. Цифровые технологические решения и их свойства, порождающие сопротивление у конечных потребителей	63
46. Саблин К.С. Национальные проекты в России: инструмент максимизации общественного благосостояния vs. способ соискания ренты	64
47. Соболева Е.Н. Трансформация собственности в цифровом мире	66
48. Соломенникова Е.А., Лугачева Л.И., Мусатова М.М. Развитие концепции формирования кластеров в условиях постоянно меняющейся реальности (на примере электроники)	67
49. Сысоева Н.М. Трансграничные взаимодействия населения в зоне экономического коридора Китай – Монголия – Россия	68
50. Таненкова Е.Н. Современные взгляды на понимание транзакционных издержек в институциональной экономической науке	70
51. Удалых С.К. Комплексные инфраструктурные проекты как базовые возможности для успешной реализации национальных проектов России	71
52. Филатова Н.Г. Агломерационные эффекты пространственной концентрации региональных институтов финансовой поддержки предпринимательства	74
53. Фролова Е.А., Клемашева Е.И., Маланина В.А. Восприятие неравенства и спрос на политику выравнивания в РФ: макрорегиональный аспект	76
54. Хлопцов Д.М., Фадеева О.П. Сравнительный анализ рынка земли сибирских регионов	77
55. Чиков М.В. Институциональный анализ упреждающих сигналов от потребителей о возникновении цифрового сопротивления новым технологиям	78
56. Шатова М.Н. Совершенствование институциональной системы региона в сфере недропользования	80
57. Щербакова Л.Н., Савинцева С.А. Специфика цифрового неравенства в регионах России	82

КОМПЛЕКС МЕР СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЙ НА АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Актуальность работы заключается в том, что на сегодняшний день вышли на новый уровень глобальные проблемы человечества – старение населения. Основную проблему этого процесса связывают с нерешенными вопросами: социальных, экономических, политических, культурных и медицинских задач, которые обеспечивают создание максимально удобных условий жизнедеятельности людей «третьего» возраста. Общество проходит такой период своего развития, когда увеличение доли пожилых людей в составе населения серьезно влияет на социальные изменения в экономике, политике. Реализация идеи социального проектирования для людей всех возрастов ставит первостепенную задачу формирования в сознании людей положительного образа старости, а также уважение к пожилым людям. Использование потенциала в экономике пожилых людей может образовать определенную новую базу для дальнейшего развития общества, поскольку в результате появятся дополнительные ресурсы в экономике, а у пожилых людей – возможность самореализации.

Первая страна, которая начала применять «социальное проектирование» – это США (развитая законодательная база социальной работы с пожилыми людьми). В России идея опирается на опыт концептуальных разработок зарубежных стран. Распространён субъективно ориентированный подход в анализе социального проектирования (Луков В.А.) и направлен на его реализацию в моделях сотрудничества, соучастия на основе активизации представителей бизнес-структур, гражданских ассоциациях. Социальное проектирование содержит оценку перспектив межпоколенческой интеграции с новыми центрами управленческой активности, практики и способов развития институтов гражданской самодетельности и инициативы партисипаторности. Примеры социальных работ:

Российская Федерация	Зарубежные страны
Информирование участников проекта с использованием Интернет-ресурсов Участие граждан в сферах деятельности общества, мероприятиях, направленных на использование потенциала, проведение досуга, развитие наставничества и другое Формирование активной жизненной позиции, вовлечение граждан в процесс активного долголетия	
Образовательные программы	Социальные сети 50+: Friends Over 50; Second Prime; Over 50s; Saga Zone. Образовательные программы
Расширение возможностей и социальных ролей граждан предпенсионного и пенсионного возраста	
Центры социальной помощи Формы обслуживания: дневные больницы (лечебная физкультура; организация досуга и отдыха (экскурсии, беседы, прогулки)).	Центры социальной помощи Формы обслуживания: дневные больницы; периодические курсы оздоровительного лечения; сочетание стационарного обслуживания с диспансерным (физиотерапевтические процедуры; лечебная гимнастика и физкультура; трудотерапия; организация отдыха и досуга (экскурсии, танцы, шадающие спортивные игры, беседы, прогулки); медицинские услуги).
Формирование единого пространства для развития и продвижения добровольческих инициатив	

циатив	
Молоды душой; волонтеры серебряного возраста.	Участники люди старше 60 лет- США: приходящие бабушки и дедушки; пенсионеры-компаньоны; пожилые добровольцы. Швеция: Дом сервис.

Анализ форм социального обслуживания граждан пожилого возраста в России и в зарубежных странах показал сходство в общих чертах в обслуживании пожилых людей в стационарных учреждениях. Социальное обслуживание в зарубежных странах (Германия, США, Швеция) имеет более развитые формы. В России волонтерская деятельность старшего поколения осуществляется очень скромно, тогда как в зарубежных странах (США, Швеция) трудятся волонтерами свыше 27 % возрастного населения, что демонстрирует стремление к активному образу жизни и долголетию.

В настоящее время во всех странах разрабатываются различные проекты социального проектирования, направленные на преодоление одиночества и социальной изоляции пожилых людей. В России отмечен дефицит социальных институтов для формирования положительного образа старения.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00300).

**Апарина Наталья Федоровна
Челомбитко Анна Николаевна
Кузнецова Татьяна Александровна**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТОВ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Федеральный проект «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» предполагает в качестве одного из направлений повышения операционной эффективности на предприятиях – участниках национального проекта внедрение методов бережливого производства.

Несмотря на несомненные выгоды и повсеместное применение концепции бережливого производства, руководители отечественных организаций зачастую сталкиваются с проблемами при ее внедрении. Значительное число организаций, начавших использовать инструменты бережливого производства в последующем отказываются от них, не получая существенных результатов. [Маркова, Марков, 2018]. В докладе проблемы внедрения и реализации проектов бережливого рассматриваются в терминах институциональной экономики как «институциональные ловушки».

Д. Норт определяет институты как формальные нормы - конституции, законы, права собственности и неформальные ограничения - привычки, традиции, кодексы поведения [Норт, 1997]. Институциональная ловушка представляет собой неэффективную устойчивую норму (неэффективный институт), которая имеет самоподдерживающийся характер.

Основными причинами возникновения институциональных ловушек является несогласованность интересов различных групп экономических агентов, расхождение краткосрочных и долгосрочных интересов и сочетание моделей поведения, сформированных на основе этих интересов, с экономической эффективностью.

Исследователи проблем внедрения проектов бережливого производства обращают внимание на то, что инициатива, как правило, исходит «сверху», в рамках вертикали вла-

сти; инициаторами часто являются органы государственной власти и местного самоуправления, перед которыми ставится задача реализации федеральных программ, национальных проектов и т.д.

На практике возникает «ловушка догоняющего развития и копирования» [Институциональная экономика, 2014]. При реализации национальных проектов, в том числе, в сфере производительности труда, фактически приходится выбирать между догоняющей модернизацией, темпы которой задаются сроками реализации нацпроектов, с ориентацией на лучшие иностранные образцы и модернизацией поисковой, когда предприятия вынуждены адаптировать свои процессы под существующие факторы внешней и внутренней среды, сложившуюся конъюнктуру рынка, производственную инфраструктуру, компетенции менеджеров и персонала. В процессе реализации проектов руководство ожидает быстрых результатов, в то время как зарубежным компаниям – пионерам бережливого производства, потребовался не один десяток лет для ее разработки и успешного применения.

Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях предполагает развитие профессиональных компетенций руководителей и специалистов предприятий-участников Федерального проекта по таким направлениям, как совершенствование процессов, увеличение оборотных средств, снижение запасов, повышение качества продукции, снижение времени производства единицы продукции. Но ряд исследователей обращают внимание на низкий уровень специфических «бережливых» и личностных компетенций менеджеров при реализации проектов бережливого производства. Неудачи внедрения данной концепции связаны с непониманием российского менеджмента ее целей, обязательных этапов, взаимосвязи с концепциями всеобщего управления качеством и т.д. [Давыдова, 2012]. Следствием является низкая заинтересованность работников, рост конфликтности, саботаж мероприятий, отсутствие инициативы, склонности к изменениям, понимания проблем предприятия и способов ее решения. Сопrotивление работников при реализации проектов бережливого производства, определяется в терминах институциональной экономики как ловушки «инновационной ментальности» (это негативная рутина, главное препятствие формирования инновационного поведения) и «психологической неготовности» [Институциональная экономика, 2014].

Выход из институциональных ловушек, возникновение и утверждение новых институтов – многоуровневый процесс, разворачивающийся во времени и пространстве. Применительно к бережливому производству перспективным направлением выращивания новых норм и правил – институтов бережливого производства и преодолением ловушек «инновационной ментальности» и «психологической неготовности» является формирование «бережливой личности», которое предполагает развитие специфических профессиональных, «бережливых» и личностных компетенций на протяжении всех стадий активной жизни человека (детский сад, школа, вуз, предприятие). В докладе процесс развития компетенций «бережливого производства» представлен как своеобразный межорганизационный сквозной поток формирования бережливой личности.

Список литературы:

Давыдова, Н.С. Бережливое производство. Ижевск: Издательство Института экономики и управления, 2012.

Институциональная экономика: учебное пособие / под редакцией доктора экономических наук, профессора Н.В. Манохиной. – Москва: Инфра-М, 2013.

Маркова, Н.А., Марков, Д.А. Проблемы внедрения концепции бережливого производства на предприятиях // Управленец 2018. Том 9. № 6.

Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Перевод с английского А.Н. Нестеренко – Москва: Фонд экономической книги "Начала", 1997.

**Барышева Галина Анзельмовна
Барышев Алексей Андреевич
Бабышев Вячеслав Юрьевич**

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

НОВАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МАТЕРИАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Институциональный порядок в экономике описывается, как правило, нормативно с точки зрения некоего идеала, отдающего приоритет формальному по сравнению с неформальным. «Формальное» также ориентировано на идеал, в котором достигается синтез легальности и справедливости. Противопоставление легального и справедливого выступает не как выражение дискурсивного характера экономической реальности, но как запрос на высшую инстанцию, воплощающую названный синтез. В результате «правильные» институты представляются креатурами государства. Государство действует через конкретных людей, и формирование институтов становится занятием ученого и законотворческого сообществ. Такое положение делает государство виновником всех бед в экономике и ведет к игнорированию реальности и автономности экономических отношений, которые в современном обществе строятся на основе «разговоров» людей между собой. В это пространство разговоров они вступают со своими ценностными установками, стараясь убедить «широкую общественность» в справедливости своих интересов, которые они представляют как общие. В результате люди осуществляют экономическую деятельность при помощи слов, что делает риторику как систему ненасильственного убеждения непосредственной тканью экономической жизни и методом формирования экономических концепций. Риторические процессы помещают вопросы справедливости и легитимности в пространство дискурса. Выступая предметами постоянного обсуждения, они поддерживают свою актуальность и жизненность. Вывод из этого пространства в мир официально утвержденной формальности лишает их социально-творческой значимости. Основой формализма экономической науки стало дистанцирование экспертов от людей практики, от языка, в котором они переосмысливают нормы и правила. Реальность этих норм и правил обеспечивается тем, что они подвергаются постоянному «креативному разрушению» материально-дискурсивными практиками вовлеченных в хозяйственные процессы людей. Дискурсивный (лингвистический, риторический, нарративный) поворот в экономической науке, опирающийся на гибкость, как одну из основных особенностей нового состояния общества, проявляющуюся в том, что на основе информационно-технологической парадигмы институты можно трансформировать путем перегруппировки их компонентов. На основе такого подхода проблема параллельных институциональных режимов выводится, как из сферы обсуждений экономических аномалий и неформальных отношений, так и из области варьирования государством формами институтов в целях обеспечения особых условий для отдельных хозяйственных субъектов. В условиях «новой нормальности» в фокусе экономической науки оказываются именно альтернативные для данного момента режимы функционирования важнейших категорий хозяйственной деятельности и ее субъектов. Институты получают новую функцию переключателей этих режимов. Сами эти переключения нетрудно обнаружить, например, в сфере трудовых отношений, в которой под влиянием таких факторов, как пенсионная реформа и пандемия COVID-19, почти без привычной институциональной инерционности возникли режимы предпенсии и эпидемиологической занятости. Множественность и альтернативность режимов функционирования экономических категорий не может не затрагивать их глубинного содержания. Так, в связи с появлением новых режимов создания ценности претерпевает изменение и сама категория ценности–стоимости так же, как и идентичность субъекта предпринимательского действия. Новая реальность предъявляет новые требования к исследованию новых функ-

ций институтов. В этом плане институт образования сталкивается с проблемой: являясь институтом, охваченным множеством новых онлайн режимов, он подвергается испытанию в связи с режимами функционирования знания выпускников и необходимостью переключения их деятельности между альтернативными предпринимательским, экспертным, служебно-организационным режимами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-010-00984.

**Барышева Галина Анзельмовна
Хаперская Алена Васильевна
Егорова Мария Сергеевна**

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

РЕЖИМ ВОВЛЕЧЕННОСТИ – НОВЫЙ ИНСТИТУТ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема вовлеченности человека в социум относится к актуальным и обсуждаемым, имеет практическую направленность в виде проводимых политик. Наибольшая исследовательская трудность связана с формализацией этого комплексного понятия и операционализацией вовлеченности посредством конкретных показателей. Наиболее распространенным в науке является подход в терминологии «вовлечения» человека в активную деятельность, который предполагает, что есть отдельный субъект (институт), вовлекающий человека в социум, а сам человек в процессе вовлечения является объектом воздействия и пассивной стороной. Проводимая социальная политика отражает парадигму оказания помощи, обеспечение нуждающихся людей минимальными средствами существования и не предполагает возможности для освоения ими новых социально-экономических статусов. Сложившийся подход с позиции категории «вовлечения» нуждается в уточнении и переработке, не согласуется с требованиями эффективного обеспечения государственной политики. Выбор нужной категории важен не только для отражения социально-экономической реальности, но и для ее поддержания, особенно если это только что входящие в жизнь процессы. Категории способны творить социально-экономическую реальность. Для современных обществ нормальным становится создание категорий в процессе социально-экономической деятельности самих участников процессов. Иницируемые трансформационные процессы отличаются комплексностью и вовлекают в свое осуществление множество факторов. «Вовлеченность» в социум принципиально отличается от «вовлечения», базируется на идее значимости в решении социальных проблем не только государства, но и института предпринимательства, благотворительности, самозанятости, собственных интересов человека. Новый подход через категорию «вовлеченность» предполагает активную позицию субъектов, индивидуализацию труда и массовую персонализацию производства, понимание благополучия как деятельностного процесса самосозидания жизни. Традиционные «опекающие», «патерналистские» технологии уходят в прошлое как «инвалидизирующие» общество, поскольку людям приписывается исключительно роль пассивных потребителей социальных благ. Такая коннотация социальной политики ведет к дискриминации, сводит всю гамму возможных социально-экономических ролей и соответствующих режимов к потребительству и исполнительству. Система общественных отношений на каждом этапе своего развития создает возможный пакет социально-экономических ролей. Только в определенном статусе человек может менять правила и нормы общественной жизни в качестве субъекта. Основные социально-экономические роли субъектов закрепляются в виде режимов вовлеченности в социум: исполнительский (организационный работник), предпринимательский, свободный профессиональный (фри-

лансерский, экспертный, самозанятый), добровольческий волонтерский (оказанием помощи инвалидам, сиротам, детям, соседям, организациям).

Происходящие процессы цифровизации на первое место выдвигают свободный профессиональный режим. Данный режим обеспечивает независимую и ответственную деятельность, реализующую духовные и личностные потребности, новые смыслы жизни, межпоколенческие связи, что делает его привлекательным для пожилых людей, молодых матерей, людей с ограниченными физическими возможностями. Заметным для российского общества становится волонтерский режим социальной вовлеченности. Социологические исследования, проводимые в ТПУ, показали, что в настоящее время большим потенциалом для осуществления деятельности в режиме волонтерства обладают пожилые люди. Выявлена потребность в создании из них пула профессиональных экспертов по различным вопросам развития региона. Реализация различных конкурирующих режимов вовлеченности человека в социум будет способствовать созданию институциональной среды для деятельности некоммерческих организаций, оптимизации масштабов участия государства в экономике, снижению неравенства и бедности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №19-18-00300.

Бельчик Татьяна Алексеевна

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ» НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Проектный подход в последние годы получил в Российской Федерации широкое распространение. Особенно это заметно в стратегическом планировании на уровне государства и регионов. Заметно улучшилось качество проектных документов, в некоторых сферах экономики проектное управление закреплено нормативно. Дисциплины, связанные с проектной деятельностью, появились практически во всех учебных планах образовательных программ разного уровня, а компетенция «разработка и реализация проектов» признана универсальной и обязательной для освоения на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры. Такая динамика дает основания надеяться, что национальные цели государства и стратегические задачи, сформулированные в Указе Президента РФ, будут достигаться более профессионально, более эффективно, с использованием самых современных технологий.

Достижение поставленных целей планируется через реализацию 12 национальных проектов (далее – НП) и программы модернизации инфраструктуры. В данном исследовании объектом изучения является НП «Производительность труда и поддержка занятости», предметом исследования региональные аспекты реализации НП. Исследование основывается на открытых данных Правительства Кузбасса, статистических данных. Выбор данного проекта обусловлен тем, что производительность труда (далее - ПТ) является основным показателем экономического роста и в целом конкурентоспособности страны и определяет уровень жизни людей в долгосрочной перспективе. Особенностью данного проекта является то, что при разумной его реализации он мог бы охватить подавляющее большинство хозяйствующих субъектов, а идея постоянных улучшений результатов деятельности – философией каждого исполнителя. В этом смысле подпроекту «Системные меры по повышению ПТ» должна отводиться первостепенная роль. Всего в структуре исследуемого НП выделены три федеральных проекта. На их основе разработаны региональные проекты.

Для анализа трансформации задач при переходе с федерального на региональный уровень взят только один подпроект «Системные меры по повышению ПТ».

Анализ паспорта регионального проекта показал:

1. Перечень задач в региональном проекте значительно сужен.
2. В проектных документах нет четких граней между целями, задачами и результатами, в ряде случаев понятия подменяются.
3. Задачи, обеспечивающие *системность* мер, исключены из перечня.
4. Крайне мало места определено формированию информационной системы сбора, обработки и анализа информации по ПТ, что вполне закономерно, так как бюджет проекта – 0 рублей.
5. Сами целевые показатели сформулированы достаточно скромно, назвать планы амбициозными никак нельзя.

В целом, инициация и реализация данного НП – стратегически верное решение. Обратимся к участникам проекта, заинтересованным сторонам (как требует проектный менеджмент). Куратор, руководитель, администратор – представители государства. Кто является заказчиком проекта? Кому принадлежит инициатива по данному проекту? Какую роль играют в НП предприятия, производительность на которых должна повышаться? Если это заинтересованные стороны проекта, то каковы их требования, каково их влияние на проект и самое главное – каков интерес к реализации данного проекта. От того, какие ответы мы сможем дать на данные вопросы, зависит, и результат проекта. Если предприятия заинтересованы в повышении производительности труда, то, наверное, инициатором данного проекта они и должны выступать. Но проблема низкого уровня ПТ – это общенациональная проблема, и в ее решении должны быть задействованы все (или большая часть) предприятий, а не только рассчитывающие на поддержку государства. В проекте акцент сделан на распространение технологии бережливого производства. Она действительно проверена временем, но меры по обеспечению роста ПТ более обширны. В ходе реализации НП не наблюдается освещения этапов реализации, распространения лучших практик (кроме ФЦК), охвата не только промышленных предприятий несырьевого сектора, но и других организаций. Важнейшая задача для экономики – обновление основных фондов, использование современных технологий. Однако показатели износа оборудования говорят об обратном. Бизнес неохотно инвестирует в обновление и инновации, что замедляет решение задачи повышения ПТ даже при наличии соответствующего национального проекта.

Брежнева Анастасия Дмитриевна

Адова Ирина Борисовна

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления»

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТУРЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Цель проведенного исследования – актуализировать состояние сопряженности государственных программ, реализуемых на региональном уровне с национальными приоритетами России, установленными в 2018 году в национальных проектах (Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204). Национальные проекты – проекты федерального и регионального масштаба, содержащие 9 целей и 12 направлений для их реализации, а также Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

Выявлено, что по результатам 2019 года исполнение бюджетов нацпроектов шло с отставанием, однако к концу года в целом по большинству проектов выровнялось и составило 88,1 %. Однако, такое авральное освоение денег приносит низкую результативность, отсюда проблема низкого уровня освоения бюджетных средств.

В 2019 году Счётной палатой был осуществлён мониторинг 8 из 13 нацпроектов. По результатам проведения выявлены риски, влияющие на достижение запланированных результатов: несовершенство нормативно правового регулирования и низкое качество планирования, а также риск несоответствия общегосударственным целям.

Несовершенство нормативно правового регулирования и низкое качество стратегического и текущего планирования. Это относится к процедуре подготовки отчётов, достоверной и полной информации о полученных результатах. 55 % показателей нацпроектов и 26 % показателей государственных программ не нашли отражения в планах деятельности федеральных органов исполнительной власти. Поэтому в системе государственного управления необходимо принять комплексные меры, позволяющие улучшить существующую ситуацию. Ряд показателей и критериев эффективности разрабатывались самими отраслевыми ведомствами. Отсюда риск несоответствия общегосударственным целям, т.к. ведомство заинтересовано сформировать те критерии, которые им легче выполнять. Существующая система показателей не отражает динамику движения направлений достижения целей и не может служить основанием для подтверждения результативности и достигаемости.

В качестве кейса для анализа сложившейся ситуации избрана НСО. К реализации национальных проектов привлечены и субъекты РФ. Новосибирская область реализует 12 национальных проектов. В данном субъекте утверждены 53 региональных проекта. В 2019 году утверждена «Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года». Основным механизмом ее реализации станут национальные проекты до 2024 года, а также проектные и программные документы. В Новосибирской области под руководством Министерства экономического развития данного региона реализуются две государственные программы (ГП).

Анализ стратегических целей в рамках приоритетов ГП «Стимулирование инвестиционной и инновационной активности в Новосибирской области» показал, что ГП способствует реализации задач, направленных на достижение целей в сфере науки и инноваций. Можно предположить, что ГП является инструментом достижения целей нацпроектов «Наука» и «Цифровая экономика». ГП в большей степени направлена на развитие Новосибирской области, как территории, обладающей уникальной целевой направленностью и конкурентными преимуществами.

Вторую ГП «Повышение качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг в Новосибирской области» невозможно соотнести ни с одним из нацпроектов, ввиду отсутствия в них задач с данной формулировкой. Стратегия характеризуется более широким охватом региональных целей и задач. Исходя из содержания данного стратегического документа, можно констатировать направленность данной ГП на совершенствование механизмов государственного управления на уровне Новосибирской области.

Подводя итог, отметим, что в Новосибирской области реализуется две государственные программы, однако только одну возможно соотнести с национальными целями, ввиду наличия региональных стратегических документов, предполагающих более широкий угол видения.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Данная работа нацелена на анализ основных предпосылок и выявление места региональной политики в системе экономики России как в недалеком прошлом, так и в настоящем и будущем. Региональное развитие в системе национальной экономики России осуществляется через формирование государственной региональной политики, ориентированной на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов, снижение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. В соответствии с признанными целями и задачами государственного управления регионами к числу основных приоритетов региональной политики относятся создание условий для саморазвития и реализации потенциала регионов; диверсификация производства и комплексное формирование хозяйства; повышения конкурентоспособности региональной экономики; преодоление институционального и инфраструктурного отставания; создание равных возможностей для человеческого развития, реформирование отношений между всеми уровнями власти.

Важнейшими направлениями долгосрочного социально-экономического развития России являются создание инновационной экономики и развитие человеческого капитала, включая повышение качества жизни населения. Одним из важнейших путей достижения данных целей должна стать реиндустриализация экономики как новая модель экономического развития, отвечающая современным технологическим вызовам.

Основными рычагами управления регионом являются прогнозирование, программирование, региональная диагностика, использование государственных финансов для решения региональных проблем. Ключевая роль отводится стратегическому планированию и управлению, среди механизмов реализации которого выделяются методы региональной экономической политики, включая бюджетную и налоговую; государственно-частное партнерство; федеральные и региональные целевые программы и др.

Можно выделить несколько основных этапов формирования концепции российской региональной политики, последовательность и содержание которых обусловлены не столько логикой самого процесса регионального развития, сколько изменением логики общественных условий развития страны. Основными целями соответствующих этапов являлись:

- 1) борьба с дезинтеграцией и сепаратизмом (до середины 1990-х гг.);
- 2) выравнивание уровня социально-экономического развития регионов (с середины и до конца 1990-х гг.);
- 3) сочетание практики «выравнивания» с усилением вертикали власти и повышением зависимости регионов от центра (2000–2005 гг.);
- 4) отказ от установившейся практики механического подтягивания проблемных территорий до уровня «передовиков», дифференцированное развитие регионов страны (с 2005 г. по настоящее время)

Дальнейшее развитие государственной региональной политики предусматривает в качестве одной из ключевых целей переход от сырьевой модели развития экономики к инновационно-ориентированной.

На современную экономическую ситуацию страны серьезное влияние оказывают мощное внешнеэкономическое давление; значительное снижение мировых цен на основные составляющие российского экспорта; ограничения внешних и внутренних заимствований и прежде всего сокращение «длинных» денег; отток и бегство капитала; последствия экономического кризиса и другие факторы. Все это заметно отражается на темпах

экономического роста, показателях инфляции, объемах инвестиций, состоянии валютного рынка, уровне безработицы, уровне жизни населения и т.д.

В целом, несмотря на существенные изменения в основных направлениях региональной политики, данные изменения не носили системный и последовательный характер, что привело к дальнейшей асимметрии развития регионов и сформировало серьезные вызовы для современного развития страны.

**Гимрих Кристина Николаевна
Недоспасова Ольга Павловна**

*ФГАБОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»*

ВНЕДРЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ РИСКОВ И ШАНСОВ

Качество сельскохозяйственной продукции традиционно находится в центре внимания общества и государства. В последние годы в России актуализировался глобальный тренд на ведение здорового образа жизни и питания, а на прилавках продовольственных магазинов все чаще можно встретить товары с маркировкой «ЕСО», «БИО» и «Organic», которые, как правило, существенно дороже своих субститутгов. Насколько это обоснованно? Этот вопрос требует изучения экономики «органического» производства, мер государственной политики и международных подходов к менеджменту в данной сфере, по итогам которых потребители смогут обезопасить себя от «гринвошинга» и не попадутся на уловки экологического маркетинга.

Производство, маркетинг, продвижение и реализация продукции под органической маркировкой имеет ряд существенных особенностей, которые одновременно являются и рисками, и шансами для предпринимателей. С одной стороны, есть значительный потенциал для устойчивого роста спроса, интерес со стороны потребителей не только в России, но и за рубежом. С другой стороны, поскольку такое производство подразумевает абсолютное исключение применения пестицидов, химикатов, добавок и средств по борьбе с вредителями, то ожидаемый урожай из-за воздействия вредителей здесь объективно ниже обычного. В производстве требуется особая весьма дорогостоящая технология, особые условия выращивания, хранения и переработки. Кроме того, для экспорта фермеру необходимо выбрать европейский орган по сертификации, аккредитованный в нужной области, подготовить документацию и оплатить соответствующую процедуру. Стоимость получения таких документов – 2000 евро. При не гарантированной прибыли фермеру сложно осилить такой проект самостоятельно. Однако, важным шансом для российских производителей в этой сфере является возможность войти в специальную программу субсидирования (в рамках мер государственной поддержки) и получить компенсацию части затрат на сертификацию продукции АПК. Размер субсидий в этом случае может составлять 50 % или даже 90 % от понесенных затрат. В Кемерово, например, в рамках программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области-Кузбасса» на 2014-2024 годы, на данный момент 5 фермерских хозяйств заключили договора с региональным центром «Мой Бизнес», и вместо 130 000 рублей, фермер за прохождение процедуры по сертификации органической продукции заплатит всего 13050 рублей (в качестве авансового платежа), а все остальное ему субсидирует государство. Важно, что что в данной сфере создается на 30 % больше рабочих мест, чем в обычном сельском хозяйстве, а прибыль на единицу трудозатрат – более высокая. В этом – еще одно поле для совпадения интересов к органическому производству для обеих сторон: и

государства, и фермеров. Таким образом, при условии государственной поддержки органического земледелия, мелкие крестьянские хозяйства могут эффективно использовать ресурсы (в том числе вовлекать в лесохозяйственный оборот удаленные от традиционных лесохозяйственных центров земельные угодья), диверсифицировать производство продовольствия, ориентироваться на изменения потребительского спроса, выходить на новые (в том числе международные) рынки и увеличивать прибыль.

**Глазырина Ирина Петровна
Забелина Ирина Александровна**

ФГБОУН «Институт природных ресурсов, экологии и криологии» СО РАН

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИРОДООХРАННЫХ ИНСТИТУТОВ В РЕГИОНАХ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КНР

В настоящей работе представлены результаты оценки эффективности действующих природоохранных механизмов в регионах трансграничного взаимодействия с КНР. Она базировалась на общих критериях эффективности по принципу «затраты-результат», для этого использовалась линейная зависимость между величиной различных видов природоохранных расходов, уровнем экономического развития и объемом загрязняющих веществ. В данном контексте были использованы следующие эколого-экономические показатели: ВРП (как фактор, отражающий развитие экономики региона); инвестиции в основной капитал, направленные на охрану атмосферы и водных ресурсов и текущие затраты на охрану водных объектов и атмосферного воздуха (факторы, отражающие природоохранную деятельность); инвестиции в основной капитал, направленные в новое строительство и инвестиции в основной капитал, направленные на модернизацию производства (факторы, отражающие модернизацию экономики); объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников; объем сбросов загрязненных сточных вод.

Проведены расчеты по набору панельных данных по модельной группе регионов, в которую вошли регионы, вовлеченные в активное трансграничное взаимодействие с КНР и находящиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, а именно: Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край, Республика Бурятия, Приморский край, Еврейская автономная область и Иркутская область. Эти территории характеризуются большими объемами добычи и переработки природных ресурсов, а также участием иностранного капитала в индустриальных проектах. В процессе исследования использовалась регрессионная модель с фиксированными эффектами.

Установлено, что в целом эта эффективность действующих природоохранных механизмов невысока, среди других видов затрат на финансирование природоохранных мероприятий в этих регионах наиболее эффективными являются текущие затраты на охрану окружающей среды. Влияние инвестиций, направляемых на модернизацию, оказывается очень слабым, это говорит о том, что лишь незначительная их часть направляется на экологизацию производственных цепочек, и под видом «модернизации» во многих случаях происходит ремонт устаревшего и не слишком эффективного природоохранного оборудования. Расходы, направленные непосредственно на природоохранные нужды, фактически ниже, чем представляется по отчетности предприятий, т.к. некоторую часть из них составляют транзакционные издержки, возникающие в результате обслуживания основных фондов природоохранного назначения и взаимодействия с государственными органами. Однако первостепенной задачей в отношении транзакционных издержек является не задача их снижения, а задача повышения их эффективности. Данные расчетов свиде-

тельствуют о том, что существующие институты эколого-экономического регулирования не выполняют своей главной функции – создания стимулов для кардинальной экологической модернизации экономических систем в регионах России. Задача «институционального проектирования» в области охраны окружающей среды не имеет простого, общего для всех регионов и отраслей решения. Одним из первых шагов на пути к ее решению может стать организация «пилотных» экспериментов для отдельных групп регионов и отраслей.

Работа выполнена по проекту Программы фундаментальных исследований СО РАН (ХИ.174.1).

Головацкий Евгений Васильевич

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

МОБИЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИИ В ИНТЕРЕСАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Материал подготовлен в рамках гранта РФФИ № 20-011-31737 «Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях «реактивных» социальных и политических взаимодействий».

Реализация реального сектора социальных и политических инициатив на территории является актуальным направлением в связке «гражданские инициативы населения – местные сообщества». В рамках региональных взаимодействий реализуются традиционные и новые формы мобилизационного участия населения в решении социальных проблем территории. Концептуализация в построении схемы мобилизации интеллектуальных ресурсов территории выступает одновременно в роли социального запаса, измерителя уровня социальной активности и драйвера местного развития. Любой показатель в данной проектной системе инициирует необходимые / требуемые для реализации национальных проектов ресурсы, включая социальные. Существенное значение в процессах ресурсного обеспечения национальных проектов выполняют «ресурсы места». Ссылаясь на подход З. Баумана, можно отметить, что, не являясь осмысленным, объективным, или безличным расстояние является продуктом общества и варьируется в зависимости от скорости (затрат на достижение этой скорости) в рамках определенного социального пространства. Территория объективирует усилия сторон-участников взаимодействия с учетом реальных и потенциальных ресурсов. В противном случае, в условиях реализации нововведений возникает угроза получить социально-политическую диспозицию называемую «властью без места и местом без власти».

Наиболее динамичной социальной категорией, на которую обращают внимание, инициаторы социально-политических проектов является молодежь. В современных мобилизационных практиках молодежь играет новые роли активных, пассивных, транзитивных или латентных участников, тем самым актуализируя проблему мобилизации интеллектуальных ресурсов. К особенностям молодежной позиции можно отнести: приоритетное значение личной свободы, терпимое отношение к другим точкам зрения, идентификацию с движением посредством персональных фреймов, т. е. без непосредственного сетевого участия, незначительным интервалом ожидания, демонстрацией социального доверия в среде взаимодействия и пр. На практике успешнее реализуются технологии мобилизации единомышленников, как правило, деперсонализированных и выступающих в виртуальном пространстве. Персонализация политики участия / отношения к тем или иным проектам проявляется, в особых повседневных потребительских жестах, и пользовательских демонстрациях, включая имитации и симулякры.

Концептуальная схема мобилизации социальных ресурсов территории в интересах национальных проектов может предусматривать следующие блоки: мобилизационные структуры (институционализированные, организационно-управленческие, политические, инновационные); социальные ресурсы; механизмы и приемы (управленческие и стилевые); связи и коммуникации; социальные практики. Традиционные практики мобилизации социальных ресурсов сохраняют жизнеспособность только благодаря разрыву между ментальной коммуникацией масштабного сообщества и затратами времени, материальных и нематериальных ресурсов, необходимых для передачи информации или построения коммуникации между заинтересованными сторонами взаимодействия. Современный формат «on-line-вопросов» (обращений, репостов, комментариев, протестов) требует использования драйверами проектов соответствующих «on-line-ответов».

Индикаторы мобилизации социальных ресурсов национальных проектов, могут выявляться из характеристик (состояния) мобилизационных отношений носителей интеллектуального потенциала территории, готовности населения и представителей власти к инновациям, наличия инициатив и творческих проектов на территории, а также наличия практики партисипации местных инициатив, уровня образования участников взаимодействия, доверия политической власти, характера социальной и политической коммуникации (структурной проводимости).

Гордеев Роман Викторович

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

СРАВНЕНИЕ ИНДЕКСОВ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В ТОРГОВЛЕ НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ

Идея оценки сравнительных преимуществ в международной торговле восходит корнями к теории Д. Рикардо [Рикардо, 1955] и теореме о соотношении факторов производства Э. Хекшера и Б. Олина [Ohlin, 1933]. На практике эта концепция была воплощена Б. Балассой [Balassa, 1965] в виде индекса выявленных сравнительных преимуществ (англ. revealed comparative advantage, RCA). Может быть показано, что для проведения эмпирических исследований конкурентоспособности лесопромышленного комплекса также используются и другие подходы [Gordeev, 2020]:

- оценка индексов цен на лесопромышленную продукцию [Parobek et al., 2016];
- анализ постоянной доли рынка (CMS анализ [Dieter, Englert, 2007]);
- построение оптимизационных моделей [Toppinen, Kuuluvainen, 2010];
- анализ различных отраслевых показателей [Kovalčík, 2011].

Однако, несмотря на наличие выбора из столь различных инструментов для оценки конкурентоспособности лесопромышленной продукции, зачастую подход выявленных сравнительных преимуществ представляется наиболее удобным. Его основные плюсы можно сформулировать следующим образом:

- согласованность с теориями международной торговли и, в частности, с теорией сравнительных преимуществ Д. Рикардо;
- низкие требования к исходной статистике (необходимы лишь данные о внешнеторговых потоках);
- возможность проведения как межстранового, так и межрегионального анализа;
- простота расчета и интерпретации.

В настоящей работе оценивается конкурентоспособность отечественной лесопромышленной продукции на международном рынке. Использовались данные о внешней торговле по 153 странам за 2017 г. [UN Comtrade, 2017]. Для анализа выбраны три индекса

сравнительных преимуществ: исходный индекс Балассы [Balassa, 1965], индекс РТА (англ. relative trade advantage) [Vollrath, 1991] и индекс чистых сравнительных преимуществ SNCA (англ. symmetric net comparative advantage) [Gnidchenko, Salnikov, 2015].

Результаты демонстрируют, что в 83 % случаев все индексы одинаково указывали на наличие или отсутствие сравнительных преимуществ в торговле лесной продукцией. Однако ввиду того, что индекс Балассы построен только на статистике экспорта, его результаты являются более смещенными относительно двух других индикаторов конкурентоспособности. Наряду с этим, индексы РТА и SNCA, использующие также и данные об импорте показывают идентичные результаты в 92 % случаев.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00145).

Список литературы:

1. Рикардо, Д. Сочинения. Том 1: перевод с английского Москва: Государственное издательство политической литературы. 1955. 360 с.
2. Balassa B. Trade liberalization and revealed comparative advantage // Manchester School of Economic and Social Studies. 1965. Vol. 33. Pp. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x
3. Dieter M., Englert H. Competitiveness in the global forest industry sector: an empirical study with special emphasis on Germany // European Journal of Forest Research. 2007. Vol. 126. Pp. 401–412.
4. Gnidchenko A., Salnikov V. Net Comparative Advantage Index: Overcoming the Drawbacks of the Existing Indices. 2015. HSE Working paper. No. 119/EC/2015. Pp. 1–39. DOI: 10.2139/ssrn.2709009.
5. Gordeev R. V. Assessing Competitiveness of Forest Industry: Theoretical and Empirical Aspects // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. Vol. 13(4). Pp. 507–516. DOI: 10.17516/1997-1370-0585
6. Kovalčík M. Profitability and competitiveness of forestry in European countries // Journal of Forest Science. 2011. Vol. 57. Pp. 369–376.
7. Ohlin B. Interregional and international trade. Cambridge: Harvard University Press. 1933. 617 p.
8. Parobek J., Paluš H., Kalamárová M., Loučanová E., Križanová A., Štofková K.R. Comparative Analysis of Wood and Semi-Finished Wood Product Trade of Slovakia and Its Central European Trading Partners. Drewno. 2016. Vol. 59. Pp. 183–194. DOI: 10.12841/wood.1644-3985.143.15
9. Toppinen A., Kuuluvainen J. Forest sector modelling in Europe – the state of the art and future research directions. For. Policy Econ. 2010. Vol. 12. Pp. 2–8. DOI: [10.1016/j.forpol.2009.09.017](https://doi.org/10.1016/j.forpol.2009.09.017)
10. United Nations. UN Comtrade Database. 2017. URL: <https://comtrade.un.org>
11. Vollrath T. L. A theoretical evaluation of alternative trade intensity measures of revealed comparative advantage // Weltwirtschaftliches Archiv. 1991. Vol. 130. No. 2. Pp. 263–279.

Горячев Вадим Петрович

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В РЕТРОСПЕКТИВЕ

В соответствии с методологией новой институциональной экономической теории институциональные изменения можно интерпретировать как процесс смены правил и механизмов принуждения к их исполнению, проявляющийся в изменении состава и структуры транзакционных и трансформационных издержек [1].

С 1990-х годов рынок городского общественного транспорта в городах и регионах интенсивно развивался без соответствующих институциональных изменений на федеральном уровне (в отрасли действовали институты, сформированные в 1970-х годах).

В соответствии с действующими институтами полномочия по организации транспортного обслуживания населения отнесены на муниципальный уровень – органы местной власти.

В период становления институциональной среды, 1990-е годы – начало 2000-х гг., местными властями формировались первичные институты, направленные на регулирование пассажирских перевозок. Институты оставляли неурегулированными ключевые вопросы вхождения и взаимодействия субъектов рынка городского общественного транспорта. Период характеризуется бурным развитием мелких субъектов рынка, снижением качества для потребителей услуг, низким влиянием субъектов власти.

В период с середины 2000-х гг. – до 2015 г. связан с формированием относительно организованных структур рынка городского общественного транспорта, созданием реестров городских маршрутов пассажирских перевозок, становлением маршрутной сети городов. Органы местной власти, пользуясь пробелами институциональной среды, продвигали интересы муниципальных перевозчиков, ущемляя интересы мелких субъектов рынка.

Со вступлением в силу 13.06.2015 г. Федерального закона № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации» установилось обязательное федеральное регулирование городских пассажирских перевозок для всех территорий, что позволило устранить субъективные аспекты регулирования со стороны городских органов в сфере транспорта и обеспечить условия для наведения порядка в сфере перевозок.

Можно выделить основное преимущество институциональных изменений - внедрение в деятельность субъектов рынка рыночного принципа регулирования деятельности перевозчиков, который обеспечил реализацию процессов интеграции всех транспортных компаний в единую городскую систему пассажирских перевозок. Данные институциональные изменения позволили повысить качество услуг для потребителей, внедрение долгосрочных контрактов обеспечило стабильность транспортных компаний, повысило оценку деятельности государственных органов.

Стандарт качества городского общественного транспорта – новый институт, внедряемый в Российских городах, значительно повышает качество услуг для их потребителей, но так как не содержит информацию об источнике финансирования данных изменений ухудшает положение субъектов рынка, оказывающих данную услугу, на чьи плечи ложатся данные расходы.

Рыночное регулирование рынка городского общественного транспорта, в части конкурсного отбора перевозчиков, несет риски вытеснения мелких компаний крупными субъектами, обладающими значительными финансовыми резервами и политическим лобби

(пример – вытеснение мелких местных перевозчиков крупной компанией «Питеравто» в г. Новокузнецке Кемеровской области).

Несмотря на то, что новые институты позволяют городскому общественному транспорту работать как по регулируемому, так и нерегулируемому тарифам, органы местного самоуправления ограничивают возможность работы по нерегулируемым тарифам, опасаясь их неуправляемого роста, что грозит им политическими рисками. Тем самым транспортные компании неся издержки, связанные с данными институциональными изменениями, не имеют возможности их компенсировать.

Таким образом, институциональные изменения последнего десятилетия значительно упорядочили рынок городского транспорта, но оставили открытым вопрос баланса интересов различных субъектов рынка.

Список литературы:

1. Горячев, В.П. Взаимосвязь ключевых экономических категорий, применяемых при оценке экономической эффективности институциональных изменений на микроуровне // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 6-2 (59-2). – С. 1138-1142.

Григорик Никита Николаевич

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Муниципальные органы власти, как значимый социально-политический институт, представляет собой особый уровень властных отношений в стране, характеризующийся самостоятельностью в принятии решений в рамках своих полномочий. Его функционирование определяется тенденциями децентрализации власти, закреплением статуса самостоятельности и самоопределения в вопросах местного значения, учете местных особенностей и традиций, а также активном привлечении жителей к соучастию в принятии важных решений [1, с. 96].

По мнению Антипьева, этот уровень является возможностью для развития и осуществления местного самоуправления гражданами [2, с. 23]. Здесь применяются практики привлечения людей к разработке совместных проектов, создаются площадки и инструменты для выражения и реализации гражданских инициатив.

Несмотря на то, что жители городов и поселений определяют легитимность органов муниципальной власти [3, с. 151], оценка их результативности слабо зависит от мнения и позиции населения [4, с. 110]. Критерии оценивания представляют собой совокупность формальных показателей относительно доли субъектов предпринимательства, доли детей, состоящих на учете для определения в дошкольные учреждения, площади жилых помещений, приходящейся на одного человека и подобных измерителей.

Анализ литературы [4-6] позволил нам выделить ряд проблем, которые порождает действующая система оценивания муниципальной власти:

1. Результаты работы мэров городов являются частью оценки главы области. Содержание социальных взаимосвязей между жителями и муниципальными органами власти в ходе оценивания теряется, поскольку оно становится статистическим показателем для региональной власти;

2. Критерии оценки не учитывают мнение людей по многим социально-значимым критериям соучастия жителей в принятии важных решений и развития территории

(например, система коммуникации между органами власти и населением, уровень социальной активности граждан);

3. Участие населения в оценке чаще всего выражается в ответах на вопросы анкеты, размещенной на сайте органа власти или муниципального учреждения. При этом, формулировка вопроса предполагает дихотомическое (например, «Удовлетворены ли Вы качеством автомобильных дорог?») или числовое (например, «Оцените по пятибалльной системе качество автомобильных дорог») выражение, лишая оценку содержательной наполненности.

Нами были изучены видеообращения главы г. Кемерово в социальной сети «ВКонтакте». Всего было проанализировано 29 видео (с 18 мая 2019 г. по 10 апреля 2020 г.), являющихся отчетом за недельные события, произошедшие в городе. Видеосюжет представлял собой ролик длительностью 10 минут. Содержание роликов показало ориентацию органов муниципальной власти на достижение целевых критериев, определяемых в официальных указах и постановлениях. Работа с конкретным делом начиналась с прямого указания губернатора области, о чем упоминалось в видеосюжете. Так, например, поднимались вопросы ликвидации магазинов и киосков, работающих без необходимых документов, или ревизии недостроев, которые были поручены мэру именно губернатором. Это показывало, что иная деятельность или самостоятельная инициатива мэра города и иных органов муниципальной власти отходит на второй план. Получается, что оценка направлена исключительно на достижение нормативных регламентов, что сводит ее значение до выполнения статистической функции. Утрачивается необходимость прямого участия жителей муниципалитетов в данном процессе. Обратная связь (обязательная составляющая данного процесса) не способна принести значимого результата для развития территории.

Возможное решение сложившегося положения может заключаться в большем привлечении населения города к совместной реализации проектов, ориентации в работе не только на заданные государственными органами стандарты и показатели, но и на реальные потребности жителей, а также в активной работе органов власти по повышению уровня социально-политической культуры граждан, что позволит повысить значимость и эффективность оценки муниципальных органов власти.

Список литературы:

1. Карасев, А. Т. Органы местного самоуправления как элемент системы местного самоуправления / А. Т. Карасев // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. – 2015. – № 4. – С. 96.

2. Антипов, К. А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ / К. А. Антипов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2015. – № 2. – С. 22-31.

3. Шустов, В. Г. Муниципальная власть – от легитимности к эффективности / В. Г. Шустов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 149-154.

4. Рыков, А. Н. Проблемы оценки эффективности местного самоуправления / А. Н. Рыков // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 105-112.

5. Общественный аудит в организации местного самоуправления: монография / Т. Д. Баснина, Е. П. Вигушена, С. А. Иванова, В. С. Маньков, Е. Е. Полянская, Н. В. Суханова, А. П. Сысоев, В. Л. Тамбовцев; науч. ред. В. Л. Тамбовцев. – Москва: ТЕИС, 2009. – 159 с.

6. Фролова, Е. А. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности / Е. А. Фролова // Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 59-64.

СТАБИЛИЗАЦИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПОДДЕРЖКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

На современном кризисном этапе большое значение придается макроэкономической стабилизации. Ориентируясь на кейнсианско-институциональный синтез, основным драйвером макроэкономической динамики мы считаем совокупный спрос, поведение которого зависит от институциональных факторов. В структуре совокупного спроса потребление является наиболее значимым компонентом и способно оказывать стабилизирующее воздействие на показатель в целом своей низкой волатильностью. Однако в период до распространения коронавирусной инфекции в России волатильность потребления стабильно превышала волатильность ВВП – 3,7 % против 2,2 % за 2016 – 2019 гг. Для стабилизации макроэкономической динамики необходимо сокращение амплитуды колебаний потребления.

Распространение коронавирусной инфекции и принятые по этому поводу ограничительные меры стали своего рода институциональным экспериментом на потребительском спросе населения. Органы власти установили жесткие «правила игры», в результате чего подтвердилась потенциальная возможность стабилизировать совокупный спрос через воздействие на потребление. Население в среднем не проявляло признаков паники в связи с COVID-19, изменяя структуру потребления только в связи с запретами на деятельность соответствующих организаций. После отмены ограничительных мер потребители активно реализовывали отложенный спрос, стремясь к некому среднему его уровню.

Вероятными причинами нестабильности потребления населения являются ожидания кризиса в экономике, снижение реальных доходов, закредитованность потребителей. Во II кв. 2020 г. индекс потребительской уверенности резко упал до значения -30 с -11 в прошлом квартале. Близкие значения данного индекса наблюдались во время кризиса в 2015 г. Население воспринимает ситуацию в экономике как предкризисную. Реальные доходы населения демонстрировали тенденцию к снижению в 2014 – 2017 гг., и только в 2018 и 2019 гг. произошел незначительный рост в пределах 1 %. За период с 01.01.2020 по 01.08.2020, несмотря на пандемию и связанные с ней ограничения, задолженность домохозяйств по кредитам выросла на 5,8 %.

Для стабилизации совокупного спроса необходима разработка программы развития институциональной среды поддержки потребления. Ее приоритетными направлениями должны стать совершенствование институтов помощи малоимущим, контроля рисков кредитования и банкротства потребителей. По всем этим направлениям работа ведется уже сегодня. В период распространения новой коронавирусной инфекции установлены пособия семьям с детьми, повышенные пособия и увеличенный срок выплат по безработице, доплаты медработникам, увеличенные минимальные суммы больничных, ипотечные и кредитные каникулы. Представляется целесообразным помимо постоянно действующих мер социальной поддержки разработать такие, которые будут вводиться только на время неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры. Планируется упрощение процедуры банкротства физических лиц. Все эти мероприятия должны проводиться системно и целенаправленно для стабилизации макроэкономической динамики России через развитие институтов поддержки потребления.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ДЕМОГРАФИЯ / СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ».
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ МЕТОДОМ МИН/МАКСА**

Актуальность. Как известно, качество жизни пожилых людей постоянно исследуют международные организации. Так, HelpAge International разработала индекс Global AgeWath¹ и ранжирует страны мира по 4-м группам показателей: материальная обеспеченность, состояние здоровья, образование и занятость, хорошие условия.

В России системная поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения - одна из задач национального проекта «демография», также состоящей из 4-х групп показателей.

Гипотеза. Учитывая, что финансирование в национальном проекте привязано к субъектам Федерации, проведенная в статье оценка трех гипотез о влиянии финансирования проекта на качество жизни граждан старшего возраста в зависимости от региона (повышение, неизменность, снижение) показала разнонаправленное влияние.

Методология исследования:

1. Данные об источнике финансирования не существенны, ими можно пренебречь. Используем данные за 2019 и 2024 годы 3 показателей проекта:

- уровень госпитализации на геронтологические койки: количество лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста (столбец 1 табл.);
- численность граждан старшего возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование (столбец 3);
- охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию – доля, % (столбец 5).

2. Сравнение субъектов Федерации по этим показателям потребовало исключения влияния единицы измерения: абсолютной величины и доли. Это нивелирование позволяет реализовать метод мин/макса (столбцы 2, 4, 4). Далее полученные результаты (столбец 7) суммируются и снова ранжируются методом мин/макса (столбец 8).

3. Сравнение эффективности финансирования в субъектах федерации потребовало:

- рассчитать объем финансового обеспечения по годам реализации на 1% населения старшего возраста² (столбец 11) и ранжировать методом мин/макса (столбец 12);
- сравнить суммированные (столбец 8) и полученные (столбец 12) данные - столбец 13³.

4. Для иллюстрации приведены лишь максимальные и минимальные данные.

5. Проанализируем динамику за 2019, 2024 гг. (рис. 1)

Вывод. Четкая положительная тенденция влияния уровня финансирования на качество жизни населения старшего возраста в субъектах Российской Федерации с использованием показателей национального проекта за 2019 и 2024 гг. не выявлена. В Магаданской области и Республике Корея корреляция положительная, Севастополь и Ненецкий автономный округ демонстрируют отрицательную динамику.

¹ Рейтинг стран мира по Индексу качества жизни пожилых людей. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 12.09.2020). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index> (Дата обращения 15.09.2020)

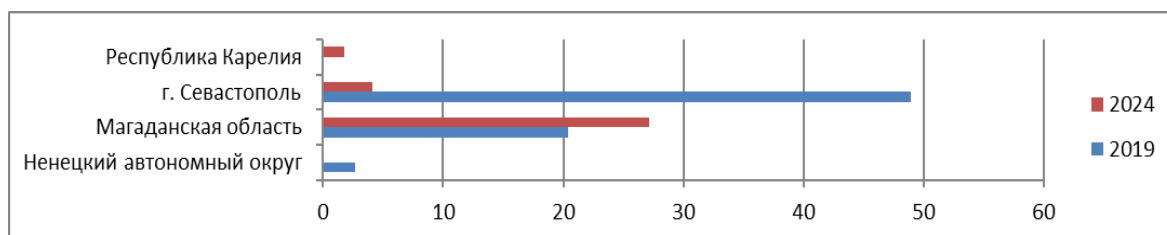
¹ рассчитано авторами по «Структура численности постоянного населения на начало года по полу и возрастным группам (процент, на 1 января)» // <https://fedstat.ru/indicator/43219#:~:>

¹ Для иллюстрации финальных расчетов сохраним в таблицах 1 и 2 только 3 региона: максимальный, минимальный и Томскую область на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста

² рассчитано авторами по «Структура численности постоянного населения на начало года по полу и возрастным группам (процент, на 1 января)» // <https://fedstat.ru/indicator/43219#:~:>

³ Для иллюстрации финальных расчетов сохраним в таблицах 1 и 2 только 3 региона: максимальный, минимальный и Томскую область

2019													
Субъект Российской Федерации	Уровень госпитализации ⁴	мин/макс от 1	Численность граждан ⁵	мин/макс от 3	Охват граждан ⁶	мин/макс от 5	Сумма мин/макс	мин/макс от 7	Объем финансового обеспечения ⁷	Доля лиц старшего возраста, %, 2020	Доля финансирования ⁸	мин/макс от 11	Эффективность финансирования
	1	2	3	4	5	6	7=2+4+6	8	9	10	11=9/10	12	13=8/12
г. Севастополь	10,1	0,37	114	0,27	23	5,16	5,8	3,43	8	26,1	0,31	0,07	48,93
Республика Карелия	14,5	0,58	239	0,62	15	0,00	1,2	0	31,3	26,8	1,17	0,54	0,00
2024													
Ненецкий автономный округ	42,8	0,88	96	0,00	70	10	10,88	0,11	1,2	18,5	0,06	0,000	0
Магаданская область	205,3	10,00	480	0,18	70	10	20,18	8,43	7,4	21,2	0,35	0,310	27,18

Зимнякова Татьяна Сергеевна

научный сотрудник ОИЦ проблем пространственной экономики, природопользования и региональных проблем ИЭУиП СФУ

Самусенко Светлана Анатольевна

руководитель ОИЦ проблем пространственной экономики, природопользования и региональных проблем ИЭУиП СФУ.

ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РЕСУРСНЫХ И «НЕРЕСУРСНЫХ» РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Поиск источников различий в производительности труда региональных социально-экономических систем остается актуальной научной проблемой, поскольку производительность во многом определяет степень конкурентоспособности экономики и является одним из объектов регионального управления. Анализ факторов производительности труда, понимание направления и степени их влияния является важной составляющей обоснования политики экономического развития региона.

Изучение феномена производительности начиналось с концептуальных теоретических работ У. Петти, Р. Кантильона, А. Смита, К. Маркса, определивших метафизическую сущность понятия. В XX веке производительность рассматривалась в связи с проблемой экономического роста с применением моделей Р. Солоу, Д. Ромера, которые по словам самого Роберта Солоу, создали «небольшую индустрию» по исследо-

⁴ на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста

⁵ старшего возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование

⁶ старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию, %

⁷ по годам реализации (млн. рублей)

⁸ на 1% населения старшего возраста (расчетный)

ванию факторов, определяющих производительность труда. Несмотря на высокую степень разработанности проблемы, остается открытым вопрос влияния специализации экономики на факторы производительности. Особенный интерес вызывает региональный аспект проблемы, поскольку он раскрыт в меньшей степени, чем макроэкономический.

В настоящей работе изучается влияние сырьевой специализации экономики региона на производительность труда и основные факторы производства. Для этого на основе статистических данных по субъектам Российской Федерации построены регрессионные модели производительности и определен вклад человеческого и физического капитала в производительность двух групп территорий: ресурсных регионов, в экономике которых преобладает минерально-сырьевой сектор и «нересурсных» – регионов с иной специализацией экономики.

Проведенные расчеты показали, что сырьевая специализация экономики предполагает высокую капиталоемкость, тогда как уровень развития человеческого капитала не оказывает существенного влияния на производительность. В «нересурсных» регионах напротив человеческий капитал играет заметную роль при меньшем влиянии фактора физического капитала. Полученные результаты демонстрируют зависимость экономического роста территорий с преимущественно сырьевой направленностью экономики от инвестиций в основной капитал и низкой потребностью в высококвалифицированном труде. Этот эффект на макроэкономическом уровне описывал Оти в своей работе 1993 года «Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis». Высокая капиталоемкость добывающей промышленности и неостребованность компетенций регионального человеческого капитала создают условия для автономности предприятий минерально-сырьевого сектора, об угрозе которой для устойчивого развития региона писал Крюков В.А. и соавторы в монографии 2014 года «Томская область: трудный выбор своего пути». Низкая степень интеграции добывающей промышленности в экономику региона ведет к тому, что значительная доля доходов сырьевого сектора изымается из экономики в пользу обслуживания внешних заимствований, на приобретение оборудования, технологий, а также в виде налогов национального уровня, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии ресурсных территорий.

Однако эффект автономности добывающей промышленности не является абсолютной характеристикой всех ресурсных социально-экономических систем. В литературе описаны примеры стран и регионов успешно осуществивших интеграцию предприятий минерально-сырьевого сектора в экономику благодаря целенаправленному развитию институтов управления природными ресурсами, включающими лицензионные соглашения на добычу с добавлением условий по локализации сервисных услуг и закупок оборудования, развитию регионального человеческого капитала и др. Проведенное исследование, подтверждая наличие у российских ресурсных регионов эффекта автономности, демонстрирует угрозу, которой можно избежать, проводя политику интеграции добывающей промышленности в региональную экономику. Понимание влияния сырьевой специализации экономики на производительность труда в ресурсных регионах позволяет определить приоритеты экономической политики, главной целью которой должно стать создание условий для формирования связей предприятий добывающей промышленности с региональными экономическими агентами.

Благодарность

Проект «Методология анализа факторов роста производительности труда в ресурсных регионах Российской Федерации в условиях перехода на новый путь технологического развития и реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости (на примере Красноярского края)» проведен при поддержке Красноярского краевого фонда науки.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ НАЛОГ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ⁹

По данным Росгидромета¹⁰, в настоящее время, в 46 городах России наблюдается высокий и очень высокий уровни загрязнения атмосферного воздуха. Высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха является автомобильный транспорт. В России автомобильный транспорт ответственен примерно за половину всех атмосферных выбросов. Одним из методов снижения выбросов является развитие системы экологического налогообложения автовладельцев. Данный инструмент широко распространен в мировой практике, однако вовсе не применяется в России.

В настоящее время, в России, транспортный налог регламентируется «Налоговым кодексом Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 21.05.2020). В соответствии с данным документом, транспортный налог устанавливается на уровне субъекта федерации. Налоговой базой является мощность двигателя в лошадиных силах. Данный налог платится ежегодно. Базовые налоговые ставки могут быть уменьшены или увеличены законами субъектов РФ. Однако, несмотря на выраженные экологические проблемы в некоторых регионах страны дифференциация ставок транспортного налога по экологическому классу не применяется ни в одном из регионов России. В связи с этим, в рамках доклада рассматривается существующая система налогообложения, вносятся предложения по ее усовершенствованию.

За рубежом налоговой базой чаще всего является объем двигателя, и выбросы углекислого газа. Также, часто налог включен в стоимость топлива. Таким образом, в России необходимо полностью пересмотреть подход к исчислению транспортного налога. Однако, в данной работе мы попытаемся лишь дополнить уже существующую методику расчета.

Так, можно оставить существующую налоговую базу и добавить некоторые коэффициенты экологичности. Наиболее просто и рационально использовать экологический класс авто. Также, необходимо ввести коэффициент возраста авто, т.к. со старением авто ухудшаются и его экологические показатели. Расчет коэффициентов был произведен на основании допустимых норм выбросов для бензиновых и дизельных двигателей в рамках стандартов Евро.

Далее на основании этих коэффициентов рассчитаем сумму транспортного налога для трех автомобилей: высокоэкологичного, среднеэкологичного и низкоэкологичного класса. Было принято решение выбрать для анализа три модели автомобилей отечественного производителя. Все автомобили возьмем с бензиновым двигателем. Расчет будем производить на основании ставок транспортного налога, принятых в Красноярском крае, срок владения для всех авто определим равным 12 месяцам, налоговые льготы не будут учтены. Стоимость каждого из авто не превышает трех миллионов рублей, следовательно, поправочный коэффициент на роскошь не учитываем. Экологический класс автомобилей определим в соответствии с методикой, предлагаемой Росстандартом: на основании информации о годе выпуска автомобиля и стране производства, можно сделать вывод об экологическом классе авто.

⁹ Исследование выполнено в рамках проекта проект АААА-А17-117022250121-6 XI.171.1.2. (0325-2019-0001) «Исследование механизмов пространственной эволюции и моделирование развития пространственных систем».

¹⁰ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». URL: <https://gosdoklad-ecology.ru/2018/%20> (дата обращения: 28.05.2020).

Таблица 1 – Пример расчета транспортного налога двумя методами: конвенциональным и модернизированным

Модель автомобиля	Лада 2121	Лада Приора	Лада Веста
Год выпуска	1997	2008	2017
Мощность двигателя, л.с.	80	98	106
Налоговая ставка, руб.	5	5	14,5
Период владения, месяцев	12	12	12
Экологический класс	0	3	5
Коэффициент экологичности	8	2	1
Коэффициент для возраста авто	3	2	1
Сумма налога по действующей методике, руб.	$Tax = 80*5*(12/12) = 400$	$Tax = 98*5*(12/12) = 490$	$Tax = 106*14,5*(12/12) = 1537$
Сумма налога по модернизированной методике, руб.	$EcoTax = 80*5*8*3*(12/12) = 9600$	$EcoTax = 98*5*3*2*(12/12) = 1960$	$EcoTax = 106*14,5*1*1*(12/12) = 1537$
Разница ($EcoTax - Tax$)	$9600-400 = 9200$	$1960-490 = 1470$	$1537-1537 = 0$

Как уже отмечалось ранее, действующая методика расчета транспортного налога устарела, она не отражает реальных различий в стоимости имущества, а также не учитывает негативное влияние на окружающую среду, дорожную инфраструктуру и другие общественные блага.

**Зобова Людмила Львовна,
Евдокимова Елена Кузьминична**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУЗБАССЕ

Для регионов ресурсного типа особенно актуальна проблема диверсификации деятельности. В частности, за счет развития учреждений высшего образования. Многие вузы стали субъектами трансграничной деятельности. Трансграничное образование многократно увеличивает количество поставщиков образовательных услуг и привлекает студентов разных стран, готовых купить эти услуги по международной цене.¹¹

Проблемы высшего образования в Кемеровской области можно разделить на две группы: проблемы, присущие российскому высшему образованию в целом и специфические региональные проблемы. Специфические проблемы: высокая конкуренция с высокорейтинговыми вузами соседних регионов и как результат отток абитуриентов; подготовка по специальностям потенциально востребованным в границах области.

¹¹Baller S. The Global Information Technology Report 2016 innovating in the Digital Economy, World Economic Forum Soumitra Dutta, Cornell University.// www.weforum.org/gitr (дата обращения 12.03.2020)

Частично решить проблемы возможно с помощью использования элементов трансграничного образования. В настоящее время все вузы области имеют программы взаимодействия с зарубежными вузами: академическая мобильность студентов, мобильность преподавателей и исследователей. В Кемеровской области за период 2015-2018гг. привлечение иностранных студентов увеличилось в 5,5 раза. Но очень неравномерно. В 2018г. удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ) наибольший в Кемеровском медицинском университете (0,13), наименьший в СибГИУ (0,0). Удельный вес численности иностранных студентов из СНГ- наибольший в СибГИУ (13,5), наименьший – в РЭУ (0,58) и КГМУ (1,26).¹² В 2019г. в Кузбасс приехало для обучения в вузах и средних специальных учебных заведениях из Казахстана – 674 человека, из Индии -160, из Таджикистана -136 и Кыргызстана - 124 человека.¹³

Необходимо развивать трансграничное образование на базе использования современных цифровых платформ. Такой подход позволит привлекать студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья и развивать дистанционное образование и исследовательскую трансграничную мобильность.

Трансграничность образовательных учреждений проявляется как участие в трансграничных образовательных организациях и как образовательные и научные контакты с вузами – партнёрами.

В Кемеровской области только КемГУ входит в Евразийскую ассоциацию университетов (в Новосибирской области - 2 вуза). В Европейскую ассоциацию университетов (EUA) не входит ни один вуз области (в Томской области -2 вуза), в Университет Шанхайской организации сотрудничества входят 2 вуза Новосибирска и ни один вуз Кузбасса. В Содружество азиатских учреждений образования в сфере культуры - 1 вуз Кузбасса. Количество вузов-партнеров для ресурсного региона очень важно, поскольку позволяет диверсифицировать направления подготовки. Наибольшее количество вузов –партнеров в КемГУ и КГИКИ, наименьшее – в КГСХИ.

В последние годы в мировом образовательном пространстве стали создавать так называемые сетевые университеты в виде консорциумов университетов. По примеру сетевого университета необходимо рассмотреть возможность создания сетевого университета в регионе. Сетевые университеты органично сочетают тенденцию к глобализации высшего образования и сохранению экономических и культурных особенностей региона. Сетевой университет может способствовать исключению дублирования программ, сгладить внутрорегиональную конкуренцию вузов за студента. При этом необходима хорошо аргументированная институционализированная структура.

На первом этапе необходимо создать информационное пространство вузов региона – создание единой базы данных приоритетных направлений исследования, совместных электронных библиотек, баз данных экспертов.

¹²СибГИУ. Образовательная деятельность <https://ege.hse.ru/data/2018/12/29/xx/175.pdf>; КГМУ. Образовательная деятельность <https://ege.hse.ru/data/2018/12/29/xx/269.pdf> (дата обращения 17.03.2020)

¹³От Казахстана до Кот д'Ивуара//<https://kuzpress.ru/society/12-05-2019/67437.html> (дата обращения 18.03.2020)

Иванцова Екатерина Дмитриевна,

*Младший научный сотрудник НУЛ экономики природных ресурсов
и окружающей среды, Ассистент кафедры социально-экономического планирования,
Сибирский федеральный университет*

ПАРАМЕТРЫ УСПЕШНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ ЛЕСОВ¹⁴

Развитие лесного комплекса России в долгосрочной перспективе предполагает достижение устойчивого лесопользования, эффективного развития использования и воспроизводства лесов, обеспечивающих опережающий рост лесного сектора экономики, а также повышение долгосрочной конкурентоспособности лесной промышленности, что обозначено в Стратегии развития лесного комплекса России до 2030 года. Одним из необходимых условий для достижения обозначенных целей является государственная поддержка проектов развития перерабатывающих производств, в частности, реализуемая посредством включения соответствующих инвестиционных проектов в перечень приоритетных в области освоения лесов. Тем самым, инвесторам предоставляются льготы по аренде лесных участков в обмен на обязательство по созданию или модернизации объектов инфраструктуры лесопромышленного комплекса. В настоящее время, по данным Министерства промышленности и торговли, в перечне приоритетных числятся 234 инвестиционных проекта. За период реализации данного механизма из перечня было исключено более 60 проектов, и в большинстве случаев причиной являлось невыполнение обязательств. В связи с этим, актуальным представляется исследование параметров, определяющих в той или иной степени успешность реализации таких проектов.

Для проведения оценки влияния параметров проектов на их фактическую реализацию были построены модели логит- и пробит-регрессии, зависимой переменной в которых выступает факт успешной реализации инвестиционного проекта из перечня приоритетных. Совокупность факторных признаков, используемых при построении моделей, можно условно разделить на три группы: заявленные характеристики инвестиционного проекта, климатические условия реализации проекта, а также финансовые показатели предприятий, являющихся заявителями по проекту.

Результаты оценивания моделей, в целом, подтвердили гипотезу о том, что существует статистически значимая связь между состоятельностью инвестиционного проекта и финансовыми показателями предприятия-заявителя. Вероятно, более крупные предприятия имеют адекватные возможности для реализации крупных инвестиционных проектов, а, значит, проекты, заявленные такими предприятиями, имеют большую вероятность успешной реализации. Кроме того, статистически значимым в обеих моделях оказался параметр заявленного объёма инвестиций: чем больше объём инвестиций по проекту, тем меньше вероятность его успешной реализации. Возможно, эта зависимость связана со стремлениями недобросовестных инвесторов преувеличить масштабы проектов, обязательства по которым они изначально не планируют выполнять.

Полученные результаты позволяют нам предположить необходимость создания таких условий отбора инвестиционных проектов для включения в перечень приоритетных, чтобы возможности предприятий-заявителей были адекватны масштабу проекта. Предприятия, обладающие существенным объёмом основных средств, а также стабильной выручкой на уровне, позволяющем предприятию получать чистую при-

¹⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00145).

быль, вероятно, более добросовестны с точки зрения исполнения обязательств по проектам, поддержанным государством.

Перспективу исследования представляет дальнейший поиск факторов, определяющих успешность реализации инвестиционных проектов в области освоения лесов, увеличение объёма исследуемой выборки, а также формулирование предложений по совершенствованию механизмов государственного стимулирования инвестиций в лесопромышленный комплекс.

**Капогузов Евгений Алексеевич^а,
Чупин Роман Игоревич^б**

^аОмский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

^бИнститут экономики и организации промышленного производства СО РАН

**АННОТАЦИЯ ДОКЛАДА
«РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИВАРИАТИВНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В
КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»¹⁵**

Одной из ключевых стратегических целей национального развития России, озвученной Президентом РФ во время послания Федеральному Собранию в 2020 году, является выход из «демографической ловушки». Для этого в РФ принят национальный проект «Демография», призванный обеспечить «сбережение населения» и придать долгосрочный импульс экономическому развитию посредством пролонгации первого демографического пакета с некоторыми дополнениями в части льготной ипотеки и единовременной субсидии на погашение ипотечного долга. По мнению многих российских и зарубежных исследователей данные меры не способны сдержать депопуляцию и являются неэффективными. Несмотря на это, экспертами ИСПИ РАН предполагается метрика эффективности Нацпроекта – расширенного воспроизводства, при котором на одну женщину фертильного возраста приходится 2,1-2,15 детей, тогда как в самом Национальном проекте установлен целевой индикатор в 1,7 детей на одну женщину фертильного возраста к 2024 году.

Достижение целевого параметра рождаемости не предполагает детализации по регионам, которые характеризуются различной демографической ситуацией. Согласно официальным статистическим данным, по состоянию на 2018 год более 40 регионов РФ существенно отклоняются от среднего значения (1,62 детей на одну женщину фертильного возраста). При учете нормативного значения показателя СТР в среднем по России в 2024 году, прирост выборочных СКР по регионам должен составить от 4 до 5 % (без учета территорий с высоким уровнем СКР (свыше 2 детей) на 7-8%). В свете этого, тезис об использовании расширенного воспроизводства в качестве метрики эффективности семейной политики является неверным, так как существуют территориальные различия в уровне рождаемости: если в одних регионах наличие двух и более детей на семью является нормой, то в других значение параметра СКР существенно отклоняется от среднего.

При этом, значение СКР, указанное в Национальном проекте, не включает декомпозиции рождаемости на брачную и небрачную. Если рассчитать СКР отдельно по брачной рождаемости, то среднее значение СКР по России составит 1,25 детей на од-

¹⁵ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.170.1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности», No AAAA-A17-117022250127-8.

ну женщину фертильного возраста. В этом случае для выхода на пороговое значение в 1,63 ребенка на одну женщину, рожденного в браке, необходим прирост целевого показателя в размере свыше 30 % до 2024 года. Таким образом, повышается планка результативности не только семейной, но и демографической политики, что формирует необходимость финансового подкрепления и усиления мер «демографического пакета» с учетом тенденций брачной рождаемости.

Ключевая роль в подкреплении мер Национального проекта отведена субъектам РФ, которые вынуждены изобретать собственные механизмы реализации семейной политики и дополнять демографический пакет локальными мероприятиями. Стоит отметить, что региональная демографическая и семейная политика являются относительно «молодыми» явлениями, следовательно, не имеют институционального базиса и четкого научно обоснованного определения. Таким образом, целью предлагаемого исследования является выделение видов региональной демографической политики и оценка их вклада в поддержку семьи и рождаемости по принципу ‘place-based’.

Карпов Альберт Леонидович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ВНУТРИ КЛАСТЕРА

На настоящий момент Омская область имеет три сформированных кластера: Агробиотехнологический, Нефтехимический, а также Кластер высокотехнологичных компонентов и систем. А также в процессе формирования находится Лесопромышленный кластер. Мы провели анализ характерных проблем развития региональных кластеров. В числе данных проблем можно выделить: несовершенную государственную поддержку, отсутствие понимания кластерной концепции, наличие недоверия между участниками кластерных отношений, недостаток подготовленных специалистов по вопросам построения кластеров, отсутствие взаимосвязи кластера с высшим учебным заведением. При этом, для многих кластеров Омской области характерны проблемы, связанные с нехваткой специалистов, взаимосвязью с высшими учебными заведениями и частичное непонимание кластерной концепции. Кроме того, потенциальной проблемой может стать процесс получения государственной поддержки, для реализации кластерного проекта.

В рамках укрепления связи между высшими учебными заведениями и кластером, необходимо составить программу по отбору молодых специалистов, которые смогли бы реализовать свои возможности на предприятиях, входящих в состав кластера. Примером такого отбора, могла бы стать многоступенчатая олимпиада, которая проводилась бы совместно с участием предприятий кластера. Победителям предоставлялась бы возможность прохождения стажировки на предприятиях, входящих в состав кластера. Тем самым, связь между высшим учебным заведением и кластером носила бы реальный характер, и способствовала бы росту конкурентоспособности предприятия.

Чтобы решить проблему, связанную с нехваткой опыта у специалистов, реализующих развитие кластера, необходима поддержка от местных органов власти. Помощь необходима в организации семинаров и форумов с представителями развитых кластеров из других регионов. На данных семинарах проходил бы обмен опытом по выстраиванию кластерных взаимоотношений, который бы перенимали специалисты из менее развитых кластеров. В итоге, такой обмен опытом позволил бы перенять

успешные практики по построению кластера и тем самым поспособствовал принятию решений, повышающих эффективность кластеров и предприятий, участвующих в них.

Для большинства региональных кластеров встает проблема по получению государственной поддержки в виде субсидии. Для того чтобы получить необходимые средства, нужно обосновать необходимость данного проекта, представить его план и т.д. Кроме того, необходимо пройти конкурсный отбор, наряду с другими проектами. На все это потребуется определенное время и средства. Соответственно, сохраняется вероятность того, что данный проект не сможет быть реализован, а, следовательно, фирмы, выигрывающие от него, не смогут получить стимул для повышения своей конкурентоспособности. Здесь же стоит отметить тот факт, что проект может оказаться нереализуемым в виду технологических сложностей, связанных непосредственно с производственной деятельностью.

Кроме того, мы считаем, что необходимо преобразовать требования к кластерам, претендующим на государственную поддержку. На наш взгляд, стоит заменить показатель средний уровень производительности труда в обрабатывающей промышленности, на аналогичный показатель, но с учетом отраслевой специфики. Иными словами, для каждой отрасли должен быть свой средний уровень производительности труда, на который должен ориентироваться кластер. Необходимость этого кроется в разнице между производимыми видами товаров и услуг. Справедливым было бы сравнивать производительность труда между субъектами одной отрасли, а не между субъектами разных отраслей. Данное изменение открыло бы возможность получения государственной поддержки нуждающимися кластерами, и тем самым способствовало бы повышению конкурентоспособности предприятий, состоявших в них.

Кашапова Эльмира Рамисовна

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

ОЦЕНКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В условиях социально-экономических изменений возрастает необходимость поиска альтернативных ресурсов развития. Устойчивая тенденция старения населения обуславливает рост необходимой материальной и институциональной поддержки старшего поколения. В научной литературе старшее поколение рассматривается не только как люди, нуждающиеся в социальном обеспечении, но и как группа населения, имеющая значительный человеческий потенциал, который может быть использован в социально-экономической жизни общества.

Обеспечение достойного уровня и качества жизни в старшем возрасте возможно через реализацию ресурсного потенциала старшего поколения. В структуру оценки ресурсного потенциала личности включают следующие показатели: уровень трудоспособности, образования, материального обеспечения; возможность приобретения новых знаний и навыков, уровень мотивации на самообеспечение, степень мотивации на занятость, степень мотивации на оказание помощи другим людям и возможность получения помощи от других [1].

При оценке ресурсного потенциала старшего поколения основной акцент делается на возможность продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте [2]. На принятие решения могут оказывать влияние несколько факторов, среди них выделяют, в первую очередь, состояние здоровья, то есть возможность продолжения тру-

довой деятельности. По данным Комплексного наблюдения условий жизни 2018 г. (КОУЖ 2018) [3] в возрасте 55+ лет в России 67,1 % респондентов оценивают свое состояние здоровья как удовлетворительное, в том числе 16,8 % имеют оплачиваемую работу или доходное занятие. Далее на принятие решения влияют профессиональные компетенции, соответствие уровня квалификации современным требованиям и желание продолжать трудовую деятельность. Так у 86,2 % респондентов с высшим образованием в возрасте 55+ лет основная работа связана с полученной специальностью. Респонденты с более высокой квалификацией выше оценивают свои навыки для выполнения более сложной работы. При этом в пожилом возрасте 53,1 % респондентов отмечают, что найти подходящую работу довольно сложно. С возрастом пожилые люди, желающие продолжить трудовую деятельность, готовы согласиться на любую другую работу, даже если она не соответствует их специальности (рисунок 1). Причиной продолжения работы может быть уровень материального обеспечения в пожилом возрасте, желание оказать помощь детям и внукам.

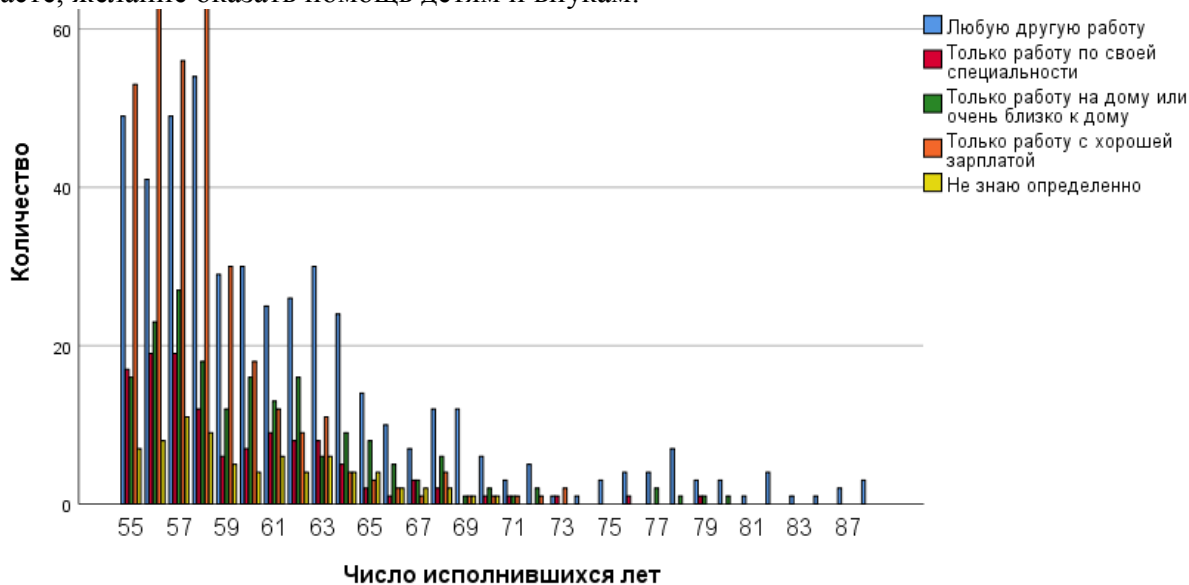

Рисунок 1 – Вид работы, которую ищет респондент в возрасте 55+ лет [3]

На макроуровне на принятие решения о продолжении трудовой деятельности могут оказывать влияние социально-экономические условия в регионе. Дальнейшие исследования направлены на оценку взаимосвязи между индикаторами качества жизни с позиции реализации ресурсного потенциала старшего поколения с разными аспектами социально-экономического развития в разрезе регионов России.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00300)

Список литературы:

1. Замаева, З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России: Монография. Пермь: Пермский государственный университет, 2009

2. Барсуков, В.Н., Чекмарева, Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. – Выпуск 3 (89). – 2017. – с. 92-108

3. Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

**Курбатова Маргарита Владимировна
Донова Инна Вениаминовна**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА

Политика, приоритеты и цели которой обозначены в национальном проекте «Образование», является мощным инструментом накопления человеческого капитала в регионах. Однако сложившийся институциональный дизайн системы высшего образования, обеспечивающий концентрацию ресурсов в узкой группе привилегированных вузов, способствует усилению ее пространственной неоднородности.

Цель данной работы - характеристика образовательной миграции при переходе школа-вуз в регионах ресурсного типа. В исследовании используются результаты комплексной оценки ресурсной зависимости [1]. Среди 27 регионов ресурсного типа выделены 4 группы: 7 регионов очень высокого уровня ресурсной зависимости; 6 регионов высокого уровня; 11 регионов среднего уровня; 3 региона с преобладанием добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП.

Регионы ресурсного типа выделяются по характеристикам миграционных потоков. Исследования возрастной структуры миграции показывают, что во всех ее потоках высока доля молодежи. По данным переписи 2010 г., в России доля населения в возрасте 15-29 лет составляла 22,8 %, во внутристрановых потоках мигрантов его удельный вес примерно в 2 раза выше, в международной миграции - почти в 1,5 раза. «Пик» миграции приходится на возраст 17-18 лет [2], что соответствует переходу «школа-вуз». Наши расчеты средних коэффициентов миграционного прироста за 2011-2019 гг. на данных Росстата¹⁶ показывают, что высокий уровень ресурсной зависимости региона связан с высоким же уровнем общей миграционной убыли населения. Наивысшие показатели убыли с 2007 г. стабильно демонстрируют Магаданская область, ЯНАО, Республика Саха (Якутия). В группе регионов с высоким уровнем ресурсной зависимости единственный регион (Томская область) имеет положительный показатель прироста. В группе регионов со средним уровнем высокие показатели миграционной убыли наблюдаются в Мурманской области и Камчатском крае. Республика Татарстан, Белгородская области – в зоне прироста.

В перечне регионов ресурсного типа с миграционным приростом находятся регионы, характеризующиеся развитыми региональными системами высшего образования, регионы с миграционной убылью имеют более слабые системы. Сформировавшаяся вузовская сеть стала улицей с односторонним движением, направляющей потоки человеческого капитала из регионов ресурсного типа. Ресурсозависимые регионы характеризуются меньшей численностью студентов - как в общей численности населения, так и в численности населения «студенческих возрастов» (17-21 год). По сравнению с 2011-12 уч. годом доля студентов в населении «студенческих» возрастов в регионах с низким уровнем ресурсной зависимости сократилась на 9,4 п.п. (с 64,9 % до 55,5 %), в регионах ресурсного типа – на 14,2 п.п. (с 61,2 % до 47 %). Востребованность вузов регионов, определяемая на основе сравнения потока выпускников школ и студентов, зачисленных на 1 курс очной формы обучения [3], также показывает худшее положение регионов ресурсного типа: по данным 2017 года – 0,73 (снижается) по сравнению с 0,9 (стабильна).

¹⁶ https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm

Таким образом, наблюдается «западный дрейф» образовательной миграции, усиливающий общий миграционный поток в западном направлении. Серьезные потери несут регионы ресурсного типа, превращаясь в поставщиков не только природных, финансовых ресурсов, но и человеческого капитала.

Список литературы:

1. Курбатова, М.В., Левин, С.Н., Каган, Е.С., Кислицын, Д.В. (2019) Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // [Terra Economicus](#). Т. 17. № 3. С. 89-106.
2. Мкртчян, Н.В. О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России / Научные труды: ИНП РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин Москва: МАКС Пресс, 2014. С. 381-396 <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0703/analit02.php>
3. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифоров, О. В. Лешуков. – Москва: Научно-исследовательский институт высшей школы экономики – 2019. 48 с.
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-010-00244 «Институциональная организация рынка труда в регионах ресурсного типа».

Лазуткин Вадим Константинович

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ НАУЧНОГО ПЕРСОНАЛА

«Производительность труда и поддержка занятости» является одним из значимых национальных проектов, стартовавших в 2019 году. А сфера научной деятельности является одной из важнейших сфер для развития российской экономики. Поэтому рост производительности труда ученых очень важен для достижения поставленных целей. Но стоит учесть, что данный труд всегда не однороден по своему содержанию, так как для исследований и разработок требуются оригинальные подходы и нестандартное мышление. Из-за этого научная сфера деятельности является одной из немногочисленных сфер, в которых в значительной степени важны индивидуальные способности и уровень подготовки работника.

Данная особенность работы научного персонала усложняет процесс управления в подразделениях, поэтому результаты исследовательской и инновационной деятельности во многом зависят от того, в какой степени персонал замотивирован на выполнение поставленных задач. Такая мотивация является результатом правильного применения инструментов управления. Однако идеального набора инструментов не существует, и компании, методом проб и ошибок, выбирают для себя лучший вариант, который подходит именно под конкретные условия.

Вопросы изучения мотивации данного вида сотрудников уже давно интересуют отечественных и зарубежных ученых. Стоит заметить, что первыми к изучению этой проблемы приступили западные социологи, тем самым, заложив основы её дальнейшего изучения. А с середины 20 века этими же вопросами заинтересовались уже отечественные исследователи. Как итог, в настоящее время проблемы мотивации научной деятельности в России часто привлекают социологов, науковедов и психологов,

однако исследования нередко сталкиваются с проблемами внутринаучной коммуникации и большинство из них остаются на эмпирическом уровне.

Для изучения мотивации работников занятых научной деятельностью было проведено исследование в действующей биотехнологической компании. Данное исследование основывалось на прохождении теста «Мотивационный профиль» Ричи Ш. и Мартина П. По итогам теста выявлены факторы мотивации, которые высоко оцениваются работниками, а также те факторы, которым они придают мало значения, как потенциальным источникам удовлетворения выполняемой работой. Так, например:

1. Самыми значительными мотивационными потребностями сотрудников были выявлены:
 - Потребность в высокой заработной плате
 - Потребность в завоевании признания со стороны других людей
 - Потребность быть креативным
 - Потребность в совершенствовании
 - Потребность в ощущении востребованности
2. Сотрудников постарше (30-50 лет) и с большим стажем работы больше мотивирует ощущение востребованности, высокая оплата труда и признание своих возможностей со стороны других людей.
3. Сотрудников помладше (20-29 лет) и с меньшим стажем работы больше мотивирует возможность самосовершенствования, разнообразность работ и более креативный подход при выполнении задач.

По результатам исследования, для повышения производительности труда, представлены возможные методы краткосрочной и долгосрочной мотивации, такие как:

- Разработка эффективного рабочего места
- Smart-целеполагание
- Гибкий график работы
- Возможные варианты ротаций работ
- Планирование карьеры
- Возможность повышения уровня образования
- Работа целевых групп
- Развитие внутрифирменных коммуникаций

Для более эффективного материального стимулирования сотрудников, приведен пример создания системы грейдов, на основе оценки сложности выполняемых ими работ, по итогу которого, для компании было создано три грейда с разным уровнем оплаты труда. Данная система подтолкнет сотрудников к развитию своих профессиональных навыков и улучшению качества выполняемых работ, а значит и к повышению производительности труда.

Левин Сергей Николаевич

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

**ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
РАЗВИТИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Указ Президента России № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» предусматривает широкомасштабный переход к приоритету проектного подхода в публичном управлении социально-экономическим развитием. Эти цели были детализированы

и закреплены в пирамиде принятых национальных, федеральных и региональных проектов. Данные изменения необходимо рассматривать как реализацию *институционального проекта*, поскольку они предусматривают внедрение новых институтов публичного управления, как «правил игры» в комплексе с механизмами их санкционирования (инфорсмент). В число основных принципов построения проектируемой институциональной системы входят: принцип каскадирования, наличие показателей конечного (НП, ФП, РП) и непосредственного результата, наличие ответственного за достижение результата на каждом уровне системы целеполагания. Реализация этих принципов призвана, по замыслу авторов данного институционального проекта, обеспечить переориентацию публичного управления на достижение долговременных целей социально-экономическим развитием. При этом речь идет о продолжении целой череды мегапроектов развития, предполагающих использование принципов программно-целевого и проектного управления ими (приоритетные национальные проекты 2000-х, комплекс программ, цели которых были определены в майских указах президента РФ, подписанных 7 мая 2012 года и др.).

Попытки «проектного» реформирования публичного управления отражают понимание правящей группой наличия системных проблем в его институциональной организации. В этой связи необходимо остановиться на характере сложившейся в 2000-годы «вертикали власти». Принципиально важно, что она никогда не являлась управленческой вертикалью, построенной на принципах «рациональной» (веберианской) бюрократии. Речь идет о возглавляемой правящей группой пирамиде, обладающих индивидуальным политическим ресурсом политизированных администраторов и олигархов, выступающих как хозяева территорий, ведомств и производственных комплексов. Ключевая проблема данной системы заключается в том, что она функционирует в режиме «ручного управления», важнейшими чертами которого является персонализированный характер отношений и преимущественная ориентация на решение краткосрочных локальных задач, обусловленных возникающими обстоятельствами.

Внедрение принципов проектного управления призвано придать публичному управлению в современной России стратегический характер и сформировать систему оценки его результативности и эффективности. При этом проектировщики и заказчики проектов как представляется, исходят из наличия определенных «пересечений» между «ручным» и проектным управлением, выражающихся в особой роли и персональной ответственности «первых лиц». В рамках такого подхода вышеуказанные хозяева территорий, ведомств и производственных комплексов должны нести перед правящей группой персональную ответственность за результативность и эффективность долговременных проектов социально-экономического развития.

В этой связи возникает вопрос о том, в какой степени соблюдались при разработке и внедрении данного проекта принципы институционального проектирования [1, с. 85-94]. Особенности сомнения вызывает вопрос о нарушении принципов компонентной полноты, соучастия (речь идет о реальном участии в его разработке широкого круга субъектов, который он затрагивает), достаточного разнообразия стимулов и защищенности от девиантного (оппортунистического) поведения. Все это создает высокую вероятность провала данного проекта. В результате возникнет неэффективный институциональный гибрид проектного и «ручного» управления (проектного по форме и ручного по реальному содержанию – «ручное» управление с KPI).

Литература.

Тамбовцев, В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования. // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.

Лысенко Елена Анатольевна

*старший преподаватель кафедры маркетинга и бизнес-коммуникаций
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В сложных условиях, которые переживает сейчас не только сфера высшего образования, но и мир в целом, особое внимание должно быть сосредоточено на проблемах выхода молодых специалистов на рынок труда – как локальный, так и национальный. К традиционным функциям университетов относятся формирование человеческого капитала, системы профессиональных компетенций. Таким образом, региональные вузы (которые чаще всего имеют статус опорных), играют роль драйверов, оказывающих влияние на региональный рынок труда, который, в свою очередь, является частью национального рынка. Особенно остро стоит проблема формирования компетенций, а также проблема конкурентоспособности выпускников вузов для регионов ресурсного типа. Регионы такого типа имеют высокий уровень зависимости от ресурсов, что ведет к негативным трансформациям как в сфере высшего образования, так и на региональном рынке труда (тенденция к сокращению числа студентов и профессорско-преподавательского состава, изменение ряда характеристик структуры занятости и т.д.). Происходит отток молодых кадров из таких регионов, однако, сохраняется ситуация на местном рынке труда, при которой молодому специалисту трудно без опыта найти работу. Формирование конкурентоспособности выпускника регионального вуза – проблема не только регионального, но и национального масштаба, что обостряется увеличивающейся открытостью и глобализацией как высшего образования, так и рынка труда.

Однако до сих пор не сформулирован единый подход к определению конкурентоспособности выпускника вуза. Определение осложняется множественностью ролей высшего образования в системе общественных отношений – как социально-значимого блага, как элемента (участника) рыночной среды, как средства удовлетворения образовательных и иных потребностей населения. Как минимум, существует три подхода к определению конкурентоспособности выпускника вуза, исходя из целей, которые предполагаются для разных участников в рамках той или иной роли высшего образования. Первый подход связан с удовлетворением потребностей общества в специалистах, владеющих определенными компетенциями, навыками, обладающих определенной квалификацией (формальная сторона). Актором в данном случае выступает государство, которое через систему подготовки кадров (программы подготовки, механизм контрольных цифр приема, целевой подготовки, системы профстандартов) формирует требования к конкурентоспособному специалисту как к востребованному на рынке труда, имеющему определенный формальный результат, подтверждающий получение им соответствующих стандартам компетенций. Второй подход, связанный с конкурентоспособностью личности, можно обозначить как психолого-педагогический. Он не в полной мере учитывает рыночный аспект конкурентоспособности и вызовы рынка труда, как на региональном, так и на национальном уровнях. Третий подход, который используют современные исследователи высшего образования, условно можно назвать интегративным. Он построен, с одной стороны, на учете психолого-педагогических аспектов формирования конкурентоспособности. С другой стороны, конкурентоспособность выпускника тесно связывается с показателями результативности деятельности конкретного вуза.

Таким образом, в определении конкурентоспособности выпускника, в требованиях к его компетенциям существуют разрывы, обусловленные множественностью ролей

высшего образования, а также разными целями и запросами со стороны субъектов (стейкхолдеров) системы высшего образования. Необходимо изучение факторов, влияющих на формирование конкурентоспособности выпускника вуза, как в региональном, так и в национальном масштабе, для дальнейшего построения системы комплексной оценки.

Список источников:

1. Kurbatova M., Donova I. Higher education in resource-type regions // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2019. № 12. – с. 2217-2229
2. Тамбовцев, В.Л. Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? Вопросы экономики. 2014. № 1. – с. 25-40
3. Глобальная конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии /И.В. Абанкина и др. - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — Москва: Научно-исследовательский институт высшей школы экономики, 2017. — 112 с

Маланина Вероника Анатольевна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

Фролова Елена Александровна

ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

«НЕВИДИМЫЕ БЕДНЫЕ»: К ВОПРОСУ О БЕДНОСТИ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ

Борьба с бедностью давно стала приоритетом как национальных экономик, так и международных организаций (Цели тысячелетия ООН). Если в развивающихся странах по-прежнему актуальной задачей остается преодоление крайней бедности, то для развитых стран задача трансформируется в преодоление относительной бедности, и в такой постановке становится также и задачей преодоления экономического неравенства.

В соответствии с Национальным проектом “Демография” в отношении граждан старшего поколения предполагается “разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни”, а Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2024 года предполагает снижение уровня бедности в два раза, причем основным инструментом здесь становится индексация пенсий выше уровня инфляции.

В то же время пожилые люди редко становятся адресатами мер по преодолению бедности в силу предположительной неэффективности применения типичных для других возрастных групп инструментов решения данной задачи: образования и занятости. Уровень бедности среди пожилых людей в России ниже, чем среди трудоспособного населения, и составляет в выборке КОУЖ на 2018 год 7,21 %, и 5,26 % среди респондентов Выборочного наблюдения доходов населения (ВНДН). В выборке респондентов 55+ в КОУЖ (2016, 2018) не обнаруживаются статистически сильные связи между уровнем образования, количеством лет получения образования, ведением приусадебного хозяйства, стажем работы и наличием работы на момент опроса и доходами респондентов, равно как и их принадлежностью к категории “малоимущие” граждане. Это объясняется невысоким уровнем дифференциации зарплат и постоянными коррективами системы начисления пенсий; а с учетом потери

накоплений в результате кризисов у старшего поколения отсутствует финансовая подушка безопасности. Выборка Европейского социального исследования (ESS) показывает значимую положительную корреляцию между децилем респондента и количеством членов домохозяйства (0.723** в 2018 и 0.601** в 2016) и значимую отрицательную с отсутствием партнера. Соответственно, типичные рекомендации по выстраиванию индивидуальных траекторий предотвращения бедности, связанных с образованием и поддержанием занятости в пожилом возрасте, не актуальны для нынешнего поколения пожилых, в отличие от оказывающихся эффективными семейных траекторий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00282).

**Мальцева Полина Валерьевна
Недоспасова Ольга Павловна**

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Социально-трудовые отношения, сформировавшиеся к настоящему времени в РФ, имеют ряд принципиальных особенностей. Одна из причин этому - нестабильность экономической активности и, как следствие, неразвитость социального партнерства (системы взаимоотношений между работниками, работодателями и органами власти, направленных на согласование интересов всех участников трудовых отношений). Как известно, социальное партнёрство не только уменьшает риски возникновения и уменьшает негативные последствия трудовых конфликтов, но и обладает высоким потенциалом для повышения эффективности функционирования компании, роста благосостояния человека, развития регионов и страны в целом.

Социальное партнёрство требует, как разработки соответствующих нормативно-правовых актов, направленных на регулирование социально-трудовых отношений, так и создания организаций, основной целью которых является администрирование, регулирование и контроль над данным направлением, а также наработки и критического анализа практик применения коллективных соглашений и договоров.

К настоящему времени в мировой практике сформировалось несколько основных моделей социального партнерства: согласительная, консервативно-либеральная и плюралистическая. Их реализация в России усложняется нерешенностью ряда проблем:

- отсутствием у профсоюзов действенных рычагов апелляции к государственным гарантиям;
- низким уровнем социальной поддержки государством требований работников на достойные условия труда, в т.ч. задекларированных трудовых кодексом;
- массовой практикой оформления трудовых отношений в рамках заемного труда и в формате гражданско-правовых отношений;
- низким уровнем профессионализма у представителей профсоюзных организаций;
- правовым нигилизмом субъектов договорных отношений.

Основными условиями развития социального партнерства в Российской Федерации являются:

- развитие социально-ориентированной экономики как ключевого условия разрешения противоречий между трудом и капиталом,
 - повышение авторитета и роли профсоюзов в социальном партнерстве,
 - изменение системы ценностей у трудящихся и предпринимателей,
 - формирование нового «правового поля» социального партнерства,
 - распространение и институциональное закрепление лучших практик социального партнерства,
- повышение исполнительной дисциплины в социально-трудовой сфере.

Маркелов Вячеслав Анатольевич

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления»

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В феврале 2020 г. Минэкономразвития РФ впервые обнародовало статистику сферы государственно-частного партнерства (ГЧП) в России. На начало 2020 года в России насчитывается около 3,1 тыс. действующих либо завершенных по истечении срока действия концессионных соглашений. Общий объем инвестиционных обязательств по ним составляет более 1,7 трлн руб. Из них 1,2 трлн руб. (то есть более 70%) составляют внебюджетные инвестиции, 0,5 трлн руб. – средства государства.

Эти данные говорят о недостаточном уровне инвестиций в инфраструктуру через договоры ГЧП, констатирует Минэкономразвития. Объем принятых инвестиционных обязательств по заключенным концессионным соглашениям составляет порядка 1,6 % от объема ВВП за 2019 год. При этом в Великобритании, например, объем инвестиций в проекты ГЧП составляет не менее 6,6 % ВВП, в Канаде – 8,1 %.

Почти все регионы используют механизмы ГЧП для привлечения инвестиций, однако только десять из них подписали 100 и более концессионных соглашений с учетом муниципальных концессий. Количество соглашений с размером инвестиций более 10 млрд руб. составляет всего 32 штуки.

В среднем в России ежегодно заключается порядка 500 новых соглашений с объемом инвестиций порядка 280 млрд руб. При сохранении таких темпов Россия в обозримом будущем не достигнет уровня Великобритании по инвестициям в концессии.

Но, по словам экспертов¹⁷, на рынке не хватает проектов, в которые бизнес мог бы вложиться вместе с государством. Это кажется удивительным в то время, когда в планах государства значится реализация крупных приоритетных национальных проектов.

В национальных проектах предусмотрены внебюджетные средства. Но это либо средства государственных компаний (например РЖД), либо средства частных инвесторов, которые не означают использование механизмов ГЧП. Все проекты можно разбить на 2 группы. К первой относятся проекты, финансируемые напрямую из федерального бюджета, ко второй – финансируемые из бюджетов субъектов, в том числе с использованием межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Ни в одной из групп не прописано правил по расходованию средств через механизмы ГЧП. Скорее наоборот, правила прописаны в логике госзаказа, т.е. через размещение государством заказа на приобретение услуг, работ у коммерческих организаций. Например,

¹⁷ Власти впервые раскрыли объем соглашений в рамках ГЧП
<https://www.rbc.ru/economics/25/02/2020/5e4fcd89a7947decf57ae33>

правила для нацпроекта «Образование» подразумевают институт госзаказа, что влечет риск невозможности направления данных средств на проекты ГЧП.¹⁸

Сложно использовать ГЧП и из-за особенностей бюджетного планирования. Сроки, заложенные для софинансирования в рамках правил, не соответствуют особенностям запуска и реализации проектов ГЧП. Негибкость инструментов бюджетного планирования, как, например, по нацпроекту «Культура», ограничивается направлением денежных средств только на финансовый год и (или) плановый период без учета возможности превышения срока действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств. Более того, для проектов ГЧП характерна ситуация, когда субъект РФ должен понимать, будет ли софинансирование из федерального центра, до того, как взять на себя существенные расходные обязательства (то есть еще на стадии конкурсного отбора частного партнера и заключения соответствующего соглашения).

Большинство правил нацпроектов предусматривают отчет субъекта РФ о реализации средств, полученных из бюджета, а также о достижении определенных результатов. Например, как по нацпроекту «Экология». Однако в рамках ГЧП и концессий это невозможно в силу того, что период инвестиций таких проектов составляет как правило от 2-х и более лет.

Рассмотрим на примере Новосибирской области возможности привлечения внебюджетного финансирования в инфраструктурные объекты, попадающие в программные документы по реализации национальных проектов на региональном уровне. Так в планы региона попадают работы по расширению инфраструктуры первичного звена здравоохранения. В целях практической реализации этих намерений подписано соглашение о ГЧП по созданию в Новосибирске сети поликлиник - первое региональное соглашение ГЧП в сфере здравоохранения.¹⁹

Параметры проекта:

соглашение о ГЧП – 10,5 лет (2019-2029 гг.)

проектирование и строительство – не более 3,5 лет

эксплуатация – 7 лет (планируемый ввод в эксплуатацию - в 2022 году)

общая площадь – 72 тыс. кв. м.

общий объем инвестиций – 8,9 млрд. руб. (7,8 млрд. руб. – кап. затраты), из них – 7,27 млрд. руб.-средства частного партнера, 1,63- капитальный грант областного бюджета.

Минэкономразвития Новосибирской области провело оценку сравнительного преимущества данного проекта по сравнению с государственным контрактом и пришло к выводам о его эффективности и наличии такого преимущества. Так расходы на создание объекта в случае реализации проекта по схеме ГЧП составили 1 626 227 тыс. руб., а при госконтракте-7 288 722 тыс. руб.

Таким образом, в конкретном случае механизм государственно-частного партнерства оказался эффективным инструментом развития инфраструктуры в условиях бюджетного дефицита.

В целом, чтобы механизмы ГЧП все-таки массово заработали в рамках нацпроектов, необходимо для начала создать прозрачные и понятные правила для их финансирования. Начать можно со следующего:

- выделить в отдельную группу иные межбюджетные трансферты, которые могут пойти на реализацию именно в рамках механизмов ГЧП (это важно, учитывая, что такие проекты обладают своими особенностями бюджетного планирования);
- сформировать другой порядок предоставления иных межбюджетных трансфертов для финансирования проектов ГЧП, который бы учитывал особенности их конкурсных процедур, сроков реализации и отчетности по производительности;

¹⁸ Просто и честно об инвестициях в Россию и государственно-частном партнерстве. <http://pppcenter.ru> (дата обращения 24.01.2020).

¹⁹ Строительство, финансирование и техническое обслуживание объектов для оказания первичной медико-санитарной помощи в городе Новосибирске <https://econom.nso.ru/page/2368>

- включить внебюджетные средства в рамках ГЧП в такие нацпроекты как образование, медицина и т.д.

**Маслов Михаил Павлович
Петров Сергей Павлович**

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

**ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПРОГРАММЫ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
В 2018 Г.²⁰**

С 2018 г. в России действует национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Авторами был рассмотрен ряд плановых индикаторов выполнения программы, которые представлены в [2]. Они были сопоставлены с фактическими показателями цифровизации российской экономики за 2018 г., по которым имеется информация в российской статистике.

Таблица 1 – Фактические значения показателей цифровизации экономики РФ в 2018 г. Составлено авторами на основе [1, 3].

Показатель	2018
Навыки работы населения на персональном компьютере (% от общей численности населения, использующего персональный компьютер), в том числе	
работа с текстовым редактором	57,0
передача файлов между компьютером и периферийными устройствами (цифровой камерой, плеером, мобильным телефоном)	43,2
работа с электронными таблицами	28,9
использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	29,4
Факторы, сдерживающие использование сети интернет населением (% от числа домашних хозяйств, не имеющих доступа к сети Интернет), в том числе	
отсутствие технической возможности подключения к сети Интернет	7,20
высокие затраты на подключение к сети Интернет	14,6
Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосной доступ к сети Интернет (% от общего числа домохозяйств)	73,2
Доля учреждений здравоохранения, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных учреждений здравоохранения, %	79,61
Доля образовательных учреждений высшего профессионального образования, подключенных к Интернету, в общем числе обследованных учреждений высшего профессионального образования, со скоростью 2 Мбит/сек и выше	75,26
Население, использующее сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, %	74,8

При сравнении фактических и плановых показателей за 2018 г. можно отметить следующее:

1) По распространению широкополосного доступа к сети «Интернет» фактическое значение в 2018 г. оказалось слегка ниже планового, а именно 73,8 % против 75 %. Причиной может служить слабое снижение или рост показателей причин неиспользования населением сети «Интернет».

2) Доля государственных (муниципальных) образовательных организаций, реализующих образовательные программы общего образования и/или среднего профессионального образования, подключенных к сети "Интернет" должна была составить в 2018 г. достаточно скромные 39,47 %. При этом доля образовательных учреждений высшего профессионального образования, подключенных к сети «Интернет» составила 75,26 %. Такое расхождение можно объяснить большими возможностями финансирования, в том числе за счет контрактной формы обучения, учреждений высшего профессионального образования.

3) Вызывает вопросы обоснованность плановых показателей цифрового взаимодействия государственных структур и населения или коммерческих организаций (показатели № 5, 6, 7 в табл. 2), которые имеют низкие значения. Фактические значения показателей предоставления электронных государственных услуг существенно выше. Например, доля населения, использующая сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг составила в 2018 г. 74,8 %. При этом плановые показатели не превышают 20 %.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00195.

Список литературы:

1. Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и другие; Росстат; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Научно-исследовательский институт высшей школы экономики, 2019. – 195 с.

2. Направления реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (Дата обращения: 11.03.2020).

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – 1204 с.

Мельников Владимир Васильевич

к.э.н., доцент,

Новосибирский государственный университет экономики и управления

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ РФ

В работе предложен алгоритм проведения оценки влияния неформальных институтов на показатель финансовой эффективности закупок продукции для общественных нужд на макроэкономических данных.

Для диапазона 2011-2019 гг. проведен корреляционный анализ факторов институциональной среды и относительной экономии бюджетных средств в контрактной системе РФ. Мы можем предположить, что существующая структура транзакционных издержек, возникающая из культурных основ поведения, способна сделать неэффективной не только институциональную модернизацию экономики, но и целые направления экономической деятельности (*Бегельсдейк, 2016; Тросби, 2018; Шмаков, 2014*).

В рамках регрессионного анализа осуществляется проверка гипотез о систематическом влиянии этнической неоднородности, религиозной структуры, масштабов коррупции и культуры электорального менеджмента на эффективность расходования общественных финансовых ресурсов при осуществлении государственных и муниципальных закупок посредством государственной контрактной системы России. По отношению к финансовой эффективности закупок продукции для общественных нужд по результатам регрессионного анализа, полного или частичного подтверждения ряда гипотез, можно сделать следующие выводы о влиянии факторов культуры на макроэкономические показатели относительной экономии бюджетных средств.

1) Стопроцентное голосование за победившую в парламенте партию позволяло бы автоматически снизить среднюю величину экономии в рамках государственных и муниципальных закупок региона в указанном периоде на 6,2 % общего объема финансирования посредством контрактной системы.

2) Если предположить, что 100 % населения некоторого региона исповедует религии, не являющиеся наиболее распространенными на всей территории РФ, то это бы приводило к снижению бюджетной эффективности региональных государственных и муниципальных закупок еще на 4,2 % от объема закупок по отношению к среднему показателю экономии в 2011-2019 гг.

3) Однопроцентный рост доли коррупционных преступлений в общем числе преступлений региона предполагает снижение средних региональных показателей экономии общественных финансовых ресурсов на 1,9 %.

4) Если предположить, что 100 % населения некоторого региона принадлежит национальности, не являющейся наиболее распространенной на всей территории РФ, то это бы приводило к снижению экономии при государственных и муниципальных закупках на 3,6 % от общего объема финансирования закупок по отношению к среднему показателю экономии в 2011-2019 гг.

5) Направление на всеобщую электронизацию закупочных технологий, принятых Министерством финансов РФ, начиная с 2018-2019 гг., абсолютно оправданы с точки зрения обнаруженного снижения влияния неформальных институтов на эффективность финансирования бюджетных расходов в контрактной системе РФ.

Вместе с тем, неизбежность квазирыночных отношений как единственного механизма согласования предпочтений и определения поставщиков продукции для общественных нужд с учетом выявленных факторов должна быть поставлена под сомнение.

Список литературы:

1. Бёгельсдейк, Ш., Маселанд, Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой. – Москва, Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара, Издательство «Международные отношения», 2016. – 464 с.
2. Тросби, Д. Экономика и культура / Перевод с английского И. Кушнаревой. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с.
3. Шмаков, А.В. Воздействие фактора доверия на процесс принятия экономических решений // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12. – № 3. – С. 29–47.

Морозова Елена Алексеевна

*заведующая кафедрой менеджмента
им. И.П. Поварича ИЭУ КемГУ, д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В российской практике существует немало подходов для определения уровня и динамики социально-экономического развития (СЭР) территорий. Однако поиск эффективных методов подобных измерений продолжается. Так, перед группой исследователей кафедры менеджмента им. И.П. Поварича института экономики и управления Кемеровского государственного университета в рамках реализации внутривузовского гранта была поставлена цель разработать и апробировать комплексную социолого-статистическую систему показателей для анализа тенденций социально-экономического развития региона, его современного состояния, хода и результатов реализации региональной стратегии (на примере Кемеровской области).

Предлагаемая участниками проекта система показателей для оценки СЭР региона состоит из статистического и социологического блоков. Статистические индикаторы (абсолютные и относительные) содержательно дифференцированы по пяти разделам: 1) население; 2) экономика, производство, финансы, цены; 3) инфраструктура: дороги, транспорт, связь, жилищные условия и экология; 4) труд, наука и инновации; 5) социальная сфера, преступность. При этом показатели, во-первых, анализируются в динамике за 15 лет, во-вторых, сравниваются с общероссийскими данными. Для обобщенных оценок СЭР региона на базе 78 относительных показателей рассчитываются интегральные индексы (по шкале от 0 до 1), как по пяти направлениям, так и в целом. Для этого производится стандартизация частных показателей с помощью метода минимакса и интеграция данных методом анализа иерархий Саати.

Апробация разработанной статистической методики оценки СЭР региона на примере Кемеровской области позволила получить большое количество частных, промежуточных и общих интегральных показателей регионального и федерального уровней, позволяющих достаточно полно охарактеризовать социально-экономическую ситуацию в регионе в сравнении с Российской Федерацией. Так, итоговые показатели СЭР, рассчитанные за период с 2004 по 2018 годы, наглядно демонстрируют, во-первых, постепенный их рост (с 0,216 до 0,539) с некоторым снижением в кризисные 2009-2010 годы; во-вторых, заметное отставание кузбасских показателей от среднероссийских – от 13 % в 2006 году (минимальное отставание) до 33% в 2016 году (максимальное).

Если оценка СЭР территорий с помощью статистических индикаторов является традиционной, то социологические методы пока используются не часто, хотя они способны не только адекватно отразить состояние дел в муниципалитете, регионе или стране, но и получить ту информацию, которую не может дать статистика. Считается, что наиболее объективным будет тот анализ социально-экономических аспектов функционирования и развития общества/территориальных сообществ, который основан на одновременном использовании методов и статистики и социологии. Опираясь именно на этот принцип, рабочая группа внутривузовского проекта, кроме статистического, предложила и социологический инструментальный измерения уровня СЭР региона.

Заложенные в социологической методике индикаторы касаются всех сторон жизни и (так же, как и статистические) дифференцируются по пяти содержательным группам. При этом предполагается проведение как массовых опросов общественного мнения (объект – взрослое население региона), так и экспертные опросы. Анкеты для населения содержат оценочные вопросы о современной социально-экономической ситуации в целом, по отдельным сферам/аспектам жизни, о динамике перемен на региональном и муниципальном уровнях; о работе региональных и муниципальных органов управления по различным направлениям; об отношении к перспективам и стратегии регионального развития. Анкета эксперта по большей части идентична опроснику для рядовых граждан, но исключает муниципальные объекты оценки (кроме работы органов управления), а также концентрирует внимание экспертного сообщества на анализе стратегии региона (по разным критериям), ходе и перспективам ее реализации.

Поскольку для ответов респондентов предусмотрены балльные и порядковые шкалы, они легко поддаются интегрированию и получению различных агрегатных показателей, сопоставимых в том числе и со статистическими индексами. При этом вес значимости тех или иных социологических показателей, а также их важность по сравнению со статистическими индикаторами определяются все тем же методом Сати.

Таким образом, предлагаемый социолого-статистический подход дает возможность получить всестороннюю системную оценку уровня СЭР региона в двух плоскостях сравнения – с российскими данными и предыдущими периодами. А его систематическое использование позволит наглядно продемонстрировать, насколько эффективно реализуется стратегические цели и задачи регионального развития.

**Мухачёва Анна Валентиновна
Грязнова Наталья Леонидовна**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ВОПРОСЫ АНАЛИЗА И ИНТЕГРАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Статья посвящена представлению одного из ключевых результатов коллективной работы над внутривузовским грантом ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» «Система показателей оценки социально-экономического состояния региона и реализации стратегии его развития (на примере Кемеровской области)» – методики интеграции показателей для оценки социально-экономического развития региона с описанием в качестве примера работы по отдельному блоку статистических показателей, а также общих результатов апробации методики на примере Кемеровской области.

Разработанная исследовательским коллективом во главе с д.э.н., профессором Е.А. Морозовой социолого-статистическая методика оценки социально-экономического развития региона охватила 78 статистических показателей, сгруппированных в пять комплексных разделов: население (демография, доходы, расходы и потребление); экономика, производство, финансы, цены (общеэкономические показатели, развитие отраслей экономики, производство товаров и услуг, малый и средний бизнес, финансы и инвестиции, цены, внешнеэкономическая деятельность); инфраструктура (инфраструктура, связь, жилищные условия, охрана окружающей природной среды); труд, наука и инновации; социальная защита, преступность (образование, здравоохранение, социальная защита, культура, отдых, преступность).

Сформированный социологический опросник включил в себя вопросы, позволяющие получить субъективную оценку указанных выше базовых пяти разделов социально-экономического развития региона.

Для расчета интегрального показателя уровня социально-экономического развития все частные статистические индикаторы были разбиты на два блока в зависимости от того, рост или снижение их способствует улучшению итогового показателя (трактуется положительно). Разделение показателей на два блока позволило применить к каждому из блоков специализированные формулы для стандартизации данных и унификации размерности показателей.

Для интеграции данных применим метод анализа иерархий Саати, который входит в группу экспертных и критериальных методов. Относительная простота метода и его доказанная эффективность обусловила его распространение в управленческой практике по всему миру, в т. ч. в целях анализа социально-экономического развития территории.

Реализация метода предполагает прохождение ряда итераций: определение ключевой проблемы и цели; выявление и описание базовых критериев на основе анализа альтернатив; формирование иерархий за счет прохождения от дерева целей к анализируемым альтернативам; анализ итоговых матриц с помощью специализированной методики; расчет весовых коэффициентов для каждой альтернативы в соответствии со сформированной системой иерархий.

Система весовых коэффициентов определялась экспертным путем – проектной командой привлекались 6 экспертов из числа докторов и кандидатов экономических наук, специалистов в области анализа социально-экономических показателей развития территорий.

В целях исследования была произведена многоуровневая интеграция социально-экономических показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития территорий в статистическом и социологическом измерении. На этапе расчета интегральных показателей по блокам социально-экономического развития данные статистики дополнялись данными социологических исследований. Далее полученные результаты по блокам в соответствии с той же системой весовых коэффициентов, определенных экспертами на основе метода Саати, участвовали в итоговой свертке для получения общего интегрального показателя уровня социально-экономического развития территории.

Представленная методика оценки уровня социально-экономического развития региона была апробирована на примере Кемеровской области в части статистического анализа. Сбор данных производился за 2004-2018 гг. (15 лет). Проведение социологического исследования требует дополнительных затрат и планируется в рамках следующих исследований.

**Недоспасова Ольга Павловна
Павлова Ирина Анатольевна**

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»*

ТРАЕКТОРИИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ИНДИВИДА, РАБОТОДАТЕЛЯ И ОБЩЕСТВА

Устойчивым трендом последних лет является повышение запроса и рост практик по активному участию пожилых людей в основных социально-экономических, политических, культурных и других общественно-значимых процессах, происходящих в местном сообществе. Именно поэтому различные виды и формы активности пожилых людей в региональном социуме все чаще рассматриваются не в традиционной парадигме вовлечения в соответствующие процессы (пожилые как объекты активности), но и с позиций вовлеченности (пожилые как субъекты активности). В таких условиях важно понимать развитие траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум и корректно оценивать их эффективность. Понятие эффективности в данном случае тесным образом связано с ракурсом оценки, приоритизации в ней точки зрения индивида, других субъектов (в частности, работодателей), и (или) общества в целом. Для целей исследования проводимо исследование в качестве магистральных были выбраны те траектории вовлеченности пожилых людей в социум, которые связаны с их участием в трудовой сфере, потреблении, поддержке других поколений, а также имеют непосредственное отношение к социальной и культурно-политической активности пожилых.

Поскольку каждый пятый гражданин РФ, находящийся в возрасте старше трудоспособного, продолжает трудиться, значительная часть траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум проходит через рынок труда. Оценка эффективности траекторий такого рода проводилась на основе анализа наиболее актуальных данных Ростгата, представленных в «Комплексном наблюдении условий жизни населения» (КОУЖ-2018). Согласно имеющимся данным, удовлетворены заработком менее половины пожилых людей, продолжающих работать. При этом интересна повышательная динамика такой удовлетворенности по мере роста возраста респондентов. Отметим также высокие оценки пожилыми людьми надежности своей работы (в сравнении с более молодыми респондентами), а также дифференциацию ответов в этом направлении у городских и сельских жителей, а также у мужчин и женщин. Дополнительными гранями для оценки эффективности трудовой траектории вовлечений пожилых людей в социум следует признать субъективные оценки их удовлетворенности выполняемыми обязанностями, режимом работы, условиями труда, воздействия вредных производственных факторов, неудобств на работе (холод, сырость и др.), безопасности работы в целом, расстояния до рабочего места, морального удовлетворения (в том числе в его соотношении с материальной заинтересованностью).

Для анализа эффективности трудовой траектории вовлеченности пожилых людей в социум с позиций работодателя и общества в целом заслуживает внимания данные о том, что лишь у половины респондентов КОУЖ-2018 основная работа полностью соответствует полученной ими специальности. При этом примерно такая же часть опрошенных заявила о наличии у них навыков для выполнения более сложной работы, чем та, которую они имеют сейчас.

Для исследования иных (кроме трудовых) траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум в дополнение к КОУЖ-2018 анализировались другие

источники данных, отражающие участие пожилых людей в уходе за другими людьми (в том числе детьми), получение ими дополнительного образования, волонтерскую активность. Исследование показало большой потенциал развития данных траекторий в российских условиях, возможности для повышения их эффективности как для самих пожилых людей, так и для других субъектов, а также для социума в целом. Полученные данные позволили сформировать общий методический подход для оценки эффективности анализируемых траекторий.

Исследование выполнено по проекту РФФИ «Разработка комплексной оценки эффективности вовлеченности пожилых людей в региональный социум», No. 19-010-00984.

Нефёдкин Владимир Иванович

*ФГБОУН Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: КЕЙС НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМΠΑРКА

В докладе освещаются результаты ретроспективного исследования проекта развития технологической инфраструктуры новосибирского Академпарка. В результате проекта был создан Центр технического технологического обеспечения (ЦТО) Новосибирского Академпарка, на основе которого сформирован уникальный комплекс сервисных технологических компаний формата job shop, ставший частью приборостроительного кластера Академпарка. Объектом исследования является сложившаяся в ходе реализации проекта специфическая и во многих отношениях уникальная модель взаимодействия власти и высокотехнологичного бизнеса.

Информационной основой исследования служил массив углублённых интервью с представителями власти, руководителями и специалистами государственных предприятий и частных компаний, деятельность которых была прямо либо косвенно связана с рассматриваемым проектом. На основании мнений экспертов проанализирован опыт создания и функционирования комплекса сервисных технологических компаний, входящих в Центр технологического обеспечения. Рассмотрены разные точки зрения на эффективность проекта, концептуальные, организационные и экономические проблемы, возникшие в ходе его реализации, а также на возможные способы их решения в контексте имеющихся институциональных возможностей и ограничений, в первую очередь в сфере взаимодействия власти и бизнеса. Обоснован вывод о том, что сам факт реализации проекта и его успешность, отмечаемая большинством экспертов, стали возможны в результате сочетания инициативы частного бизнеса с поддержкой со стороны федеральных и региональных органов власти. Отмечаются риски сторон, возникающие при реализации подобных проектов, а также возможности и ограничения, связанные с тиражированием апробированной в проекте организационно-экономической модели взаимодействия власти и бизнеса.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, проект, по мнению экспертов, является уникальным для РФ и в целом успешным, что подтверждается результатом оценки совокупных эффектов для публичной стороны. Имеющиеся институциональные ограничения удалось преодолеть благодаря взаимодействию частной инициативы, финансовой и организационной поддержке федеральных и региональных властей. Во-вторых, институциональные дефекты в организации взаимодействия участников проекта привели к тому, что деятельность отдельных ре-

зидентов ЦТО была прекращена в связи с невозможностью выполнять их обязательства перед публичной стороной. Главным можно считать вывод о том, что рассматриваемый проект не мог быть реализован ни в одном из классических форматов ГЧП, а создание и функционирование ЦТО может служить примером нестандартного государственно-частного партнёрства – квази-концессии. Более того, изменения, произошедшие в институциональной среде и прежде всего в функционировании институтов государственной поддержки малого и среднего предпринимательства за время, прошедшее с начала реализации проекта (2010 г.), практически исключают масштабирование использованных организационных решений. Вместе с тем, по мнению автора, проект продемонстрировал перспективность поиска и применения разнообразных форм государственно-частного сотрудничества в сферах, которые прямо не регулируются действующим законодательством.

Нятина Наталья Владимировна

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ВОЗМОЖНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СОУЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В современном обществе актуализируются практики гражданского соучастия населения в реализации национальных проектов. Такая активность позволяет осуществлять социальное измерение проблем адаптивности проектных идей, а также их динамику и меру реализации на определенной территории. Современные исследователи выделяют следующие уровни соучастия населения в реализации проектов: информирование; консультации; диалог и партнерство. Информирование является низшим уровнем соучастия. Понимая определенные противоречия, проблемные зоны в жизненном и социальном пространстве, население может транслировать определенную информацию для корректировки заданных проектных целей. Консультирование включает целенаправленную деятельность органов власти, когда они передают заинтересованным целевым группам информацию о текущем состоянии дел в той или иной области, а затем обращаются за комментариями о возможных вариантах решения. Однако данные рекомендации и предложения не являются обязательными для исполнения органами власти. Новой практикой активизации потенциала общественности является модерация, которая в Кузбассе применяется как универсальный инструмент для выстраивания коммуникаций с властью.

Диалог представляет собой такой уровень гражданского соучастия, когда предполагается социально-политическое взаимодействие населения и власти. Так, ярким примером данного уровня являются диалоговые площадки, которые фокусируют внимание на определенных проблемах территории, которые должны быть разрешены в рамках национальных проектов. Партнерство подразумевает общую ответственность на каждом этапе процесса принятия социально значимого решения: от формулирования повестки дня, проектирования решения и до внедрения стратегических инициатив.

В настоящее время особое внимание властных институтов направлено на активизацию гражданского соучастия населения, так как оно не только готово транслировать идеи по преобразованию социального пространства, но и применять собственные ресурсы и потенциал для социального и политического развития территории. Но при этом инициативное соучастие населения характеризуется отсутствием системного подхода и сориентировано в большей мере на обеспечение личной безопасности и

поддержание собственного гражданского социального статуса. Значимым ограничением для выстраивания взаимодействия с властью является приоритетность сетевых коммуникаций. Данная особенность формирует новые социальные практики в виде слактивизма (по З. Бауману), когда население готово к диалогу и включению в решение социальных проектных идей исключительно в виртуальном пространстве с ограниченной возможностью индивидуальной социальной ответственности личности.

Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского Гранта ФГБОУ ВО «Кемеровского государственного университета» 2020 г.

«Новые возможности исследований социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ».

Орлова Анна Владимировна

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ

В постоянно меняющейся экономической, социальной и культурной среде образование выступает ключевым фактором социализации личности, необходимым условием высокой горизонтальной и вертикальной мобильности, способности к освоению и продуцированию инновационных процессов. Тем не менее, в данной сфере наблюдается ряд ключевых проблем, требующих постоянного, точечного внимания со стороны государства. В рамках реализации основных направлений стратегического развития страны 24 декабря 2018 года был утвержден паспорт национального проекта РФ «Образование». Идея национальных проектов современной России не является новой в социально-управленческой практике. Так, еще в сентябре 2005 года В. В. Путин объявил о начале реализации в Российской Федерации четырех приоритетных национальных проектов: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье - гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса (АПК)», непосредственное внедрение которых началось с 1 января 2006 года. Результаты реализации этих проектов были неоднозначны.

Современный этап решения задач национального проекта «Образования» также вызывает противоречивые оценки.

Актуальность темы обусловлена направленностью на решение научной проблемы разработки комплексного социологического исследования реализации национальных проектов в регионе. Необходимо учитывать как прошлый опыт внедрения национальных проектов, так и современные риски и возможности при реализации национального проекта, особое внимание при этом следует уделить специфике региона, в котором он осуществляется.

Действенность национальных проектов зависит от того, как органы власти, бизнес, население осознают свою ответственность и насколько они готовы к взаимодействию. Необходимы такие условия, которые бы стимулировали интерес населения к совместным действиям с органами местного самоуправления в рамках выполнения национальных проектов. Взаимодействие населения и власти должно быть основано на взаимной информированности, заинтересованности и готовности к соучастию, национальные проекты создают основу для участия населения в реализации социальной политики.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-011-31737 «Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях «реактивных» социальных и политических взаимодействий».

**Павлова Ирина Анатольевна
Недоспасова Ольга Павловна
Барышева Галина Анзельмовна**

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»*

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ИХ ЖИЗНЕННОЙ ТРАЕКТОРИИ

Вовлеченность пожилых людей в региональный социум представляет собой двусторонний процесс, инициаторами которого в равной степени могут быть как сами представители старшего поколения, так и их близкие, родные, друзья, коллеги по работе, работодатели (прежние и нынешние), люди со схожими интересами и потребностями, представители местного сообщества и органов власти различного уровня, формальных и неформальных союзов и организаций.

Анализ лучших мировых и отечественных практик вовлеченности граждан старшего поколения в социум показывает наличие множества вариантов формирования соответствующих траекторий, которые отличаются не только в зависимости от социального и экономического статуса личности и условий жизни человека, но и институциональных рамок, степени государственной и общественной активности в формировании данных траекторий, сочетание которых предопределяет их персонализированный выбор.

Систематизация дифференцированных траекторий вовлеченности пожилых людей может быть реализована на основе ресурсного подхода.

1. Ресурсы пожилых людей как производителей оцениваются через участие на рынке труда и в домашнем хозяйстве в рамках траекторий (а) трудовая активность в качестве наемного сотрудника, (б) самозанятость и предпринимательство, (в) занятость в личном подсобном хозяйстве.

2. Ресурсы пожилых людей как потребителей оцениваются по разным направлениям затрат на приобретение товаров и услуг в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в том числе, специализированных высокотехнологичных товаров и даже спрос на новые товары (создание и развитие новых рынков): (а) текущее потребление, (б) приобретение товаров длительного пользования и образовательные услуги, (в) создание спроса на новые и высокотехнологичные товары, (г) создание спроса на специализированные сервисы консультационных услуг (социальные, юридические, эмоционально-психологическая поддержка).

3. Ресурсы пожилых людей, формирующих сети поддержки разных поколений, предполагает социальные связи в рамках ближнего и дальнего круга взаимодействий в рамках межпоколенческих сетей поддержки: (а) помощь и взаимодействие с младшими, (б) помощь и взаимодействие с лицами еще более старшего поколения (представителями четвертого возраста), (в) помощь и взаимодействие с людьми своего (примерно своего) возраста/поколения.

4. Социальные и культурно-политические ресурсы старшего поколения рассматриваются как значимые взаимодействия в рамках регионального социума по следующим траекториям: (а) волонтерская и добровольческая деятельность, (б) общественно значимая деятельность по месту своего жительства, в своем районе на благо своего сообщества (community development), (в) участие в политической жизни, (г) вовлеченность в общественно-культурную жизнь.

Для оценки социально-экономической активности представителей старшего поколения на различных этапах жизненной траектории предлагается в рамках, указанных выше направлений разрабатывать системы индикаторов, которые соответствуют задачам исследования, и оценивать активность для разных возрастных групп с шагом в пять лет, начиная с предпенсионного возраста (50-54, 55-59, 60-64, 65-69, 70-74, 75-79, 80+). Включение в анализ предпенсионного возраста позволит определить фазовый переход - переломный момент в социально-экономической активности по конкретной траектории от скорее активной позиции к неактивной позиции. В силу существенных различий по показателю продолжительности жизни для женщин и мужчин рекомендуется проводить данную оценку не только в разрезе разных возрастных групп, но и по половому признаку.

Открытыми источниками данных могут выступать лонгитюдные исследования:

- Лонгитюдное обследование домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» Высшей школы экономики (RLMS-HSE);
- «Комплексное обследование условий жизни» (КОУЖ), проводимое Росстатом.

Эти источники данных являются открытыми и позволяют использовать микроданные для сортировки по половозрастному признаку, а также в разрезе российских регионов. В RLMS-HSE доступны данные по ряду российских регионов, но репрезентативны в целом для России; в КОУЖ возможно проводить анализ по всем российским регионам при условии наличия достаточного количества ответов по соответствующему вопросу. Возможно использование как данных индивидуального обследования, так и обследования домохозяйств.

Исследование выполнено по проекту РФФИ «Разработка комплексной оценки эффективности вовлеченности пожилых людей в региональный социум», No. 19-010-00984.

Пастухова Елена Яковлевна
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

Кочнева Оксана Петровна
*ГБУ ДПО «Кузбасский региональный институт развития
профессионального образования»*

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Успешное развитие экономики зависит от множества факторов, среди которых одним из основных является трудовой потенциал. По оценкам исследователей, в развитых странах более 70 % национального богатства составляет человеческий капитал. В России основной вклад в прирост ВВП вносит добыча полезных ископаемых, на долю которых приходится около 75 % чистой прибыли. Переход России на инновационный путь развития предполагает увеличение вклада трудового потенциала в экономическое развитие.

Ученые выделяют три основных подхода к изучению трудового потенциала: ресурсный, факторный и комплексный. В основу данного исследования был положен комплексный подход, в соответствии с которым трудовой потенциал рассматривался как комплексная социально-экономическая категория, объединяющую количественные и качественные характеристики рабочей силы к общественно-полезному труду.

Эмпирической основой исследования являлись данные Росстата за 2000-2018 годы, характеризующие социально-экономическое, демографическое развитие Кузбасса и материалы социологического исследования «Профессиональные намерения старшеклассников».

Трудовой потенциал Кемеровской области развивается в условиях длительной депопуляции, которая оказывает негативное влияние на численность рабочей силы, численность занятых, уровень участия в рабочей силе, уровень занятости. Увеличивается доля людей от 60 лет и старше, возрастает демографическая нагрузка.

Динамика качественных характеристик трудового потенциала региона более позитивная. За последние десять лет повысился уровень образования рабочей силы за счет увеличения доли занятых, имеющих дипломы вузов. Состояние потенциала здоровья трудоспособного населения улучшилось за счет снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, от внешних причин, от новообразований. Однако смертность от заболеваний органов дыхания, пищеварения, инфекционных заболеваний повысилась. Смертность трудоспособного населения региона приводят к потере рабочей силы и ослаблению потенциала здоровья.

В условиях сокращения численности населения, рабочей силы региональная политика должна быть направлена на укрепление качественных характеристик трудового потенциала. Реализация этой цели возможна при замедлении темпов естественной убыли населения, сокращении смертности трудоспособных мужчин, при снижении миграционного оттока граждан моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов. Анкетный опрос молодых кузбассовцев позволил выявить наиболее значимые причины возможной миграции. Это отсутствие видимых перспектив для личностного, профессионального роста и развития, плохая экология, негативно отражающаяся на здоровье. Респонденты рассматривают поступление в вуз за пределами Кузбасса как элемент миграционной стратегии. Основные меры по сокращению миграционного оттока, по мнению респондентов, это повышение уровня доходов, создание новых рабо-

чих мест, укрепление экономики региона, расширение спектра и качества социальных услуг.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки, реализации региональных программ по снижению естественной, миграционной убыли учащейся молодежи и граждан трудоспособного возраста.

Пляскина Нина Ильинична

*д.э.н., ведущий научный сотрудник, профессор НГУ, тел. +7(383)330-28-26,
email:pliaskina@hotmail.com*

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет
630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17*

**АДАПТАЦИЯ МОДЕЛЬНОГО АППАРАТА ДОЛГОСРОЧНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО МЕГАПРОЕКТА ДЛЯ УЧЕТА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ²⁰**

Высокая значимость ресурсных мегапроектов для экономики Российской Федерации, их роль в социально-экономическом развитии и обеспечении национальной безопасности определяют необходимость выделения мегапроектов в самостоятельный объект стратегического планирования. Опыт существования мегапроектов в системе управления России выявил ряд проблем – одной из основных является согласование стратегических интересов субъектов государственной политики и компаний. Целью статьи является разработка адекватного инструментария согласования экономических интересов институциональных участников ресурсного мегапроекта.

Переход к концепции проектной экономики даёт возможность настроить механизмы государственного регулирования на выполнение стратегических задач. Для эффективного взаимодействия субъектов экономики необходимо формирование соответствующего институционального механизма в виде создания институтов, основанных на взаимодействии субъектов государственной политики и агентов хозяйствования мегапроекта, начиная от разработки комплекса документов стратегического планирования до формирования институциональной среды. Институты и институциональная среда должны лечь в основу государственных стратегических документов мегапроекта начиная от стратегии развития до программ ее реализации.

В русле современных направлений развития стратегического планирования и управления в организационно-технологическую схему мегапроекта предлагается ввести блок проектирования институциональных условий, в котором решаются две задачи: прогноз институциональных условий и формирование допустимого множества прогнозных вариантов институционального обеспечения стратегии мегапроекта, в рамках которого организуется взаимодействие экономических агентов.

Для выбора механизма согласования стратегий участников и поиска компромисса между государством и компаниями предлагается использовать игровую модель равновесия по Штакельбергу и поэтапный алгоритм поиска равновесия. Алгоритм основан на выборе стратегии налогообложения, при которой совокупный доход государства максимален, а чистая прибыль компаний не снижается. На примере мегапро-

²⁰ Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН проект АААА-А17-117022250132-2 XI.172.1.1. (0325-2016-0010)

екта ВСНГК проведено 2 игры: государство - ПАО «НК Роснефть», государство - ПАО «Газпром».

Ресурсный мегапроект является эффективным объектом в структуре государственного стратегического управления для согласования механизмов государственной поддержки выполнения стратегических целей и обеспечения балансов добычи и переработки углеводородного сырья. На стадии реализации мегапроекта целесообразно создание ситуационных центров анализа и мониторинга влияния предложенных вариантов институциональных условий и механизмов государственной поддержки бизнес-проектов на ход реализации, достижение стратегических целей и эффективность мегапроекта для государства, регионов и компаний. В результате согласования интересов участников формируется координационный план управления реализацией инвестиционной программы как документ стратегического планирования, обеспечивающий достижение стратегической цели создания мегапроекта. Предлагается создать Координирующий орган на уровне Правительства РФ с функциями управления и контроля за реализацией инвестиционной программы мегапроекта, соблюдения баланса их интересов, а также последующей корректировки механизмов государственного регулирования реализации бизнес-проектов.

**Пыжев Антон Игоревич
Гордеев Роман Викторович
Иванцова Екатерина Дмитриевна**

*ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
ФГБУН «Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов
Российской академии наук» (ЦЭПЛ РАН)*

ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ВЛИЯНИЯ ДИНАМИКИ УГЛЕРОДНОГО БАЛАНСА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА

Моделирование сценариев развития экономики страны с учетом процессов климатических изменений потребует выполнения интервальных оценок потенциальной стоимости углерода, которая позволит впоследствии провести совокупную экономическую оценку углеродного потенциала экономики страны, строить прогнозы и формулировать политические рекомендации.

Реализация Парижского соглашения по климату 2015 г. требует наиболее точных оценок углеродного бюджета лесов в крупнейших странах мира. Этот тезис, бесспорно, актуален для России не только в силу ее мирового лидерства по площади территории вообще, и лесов – в частности, – но и в силу известных недостатков в системе учета [Пыжев, Ваганов, 2019; Стеценко и др., 2019]. Гармонизация известных подходов и результатов оценивания стока углерода в лесах России сталкивается как с методологическими трудностями, так и с дифференциацией целеполагания, которое стоит за каждым из отдельных подходов [Замолотчиков и др., 2011, 2017; Швиденко, Щепаченко, 2014]. По этой причине экономические оценки влияния динамики углерода в лесах России на параметры развития лесного комплекса должны быть вариантными в зависимости от исходных оценок углерода.

Одним из важнейших факторов динамики лесов являются нарушения, вызванные распространением насекомых-вредителей леса (дендрофагов), которые, в свою очередь, определяются процессами глобального изменения климата [Ivantsova et al., 2019]. Особое значение приобретают экономические последствия данных явлений,

которые создают серьезные угрозы для состояния ресурсной базы лесозаготовительной промышленности. Дана классификация стратегий адаптации к распространению дендрофагов, а также смягчения последствий их вспышек массового размножения с учетом экономических ограничений, возникающих в результате таких явлений.

Моделирование таких взаимосвязей логично проводить на основе известных и широко применяемых эконометрических методов, в частности, подходов к оценке моделей авторегрессии и распределенного лага (ARDL) и причинности по Грэнджеру [Pesaran, Shin, 1999; Granger, 1969]. Информационной базой для таких расчетов являются собственно оценки углеродного бюджета и

Исследование выполнено в рамках государственного задания ЦЭПЛ РАН АААА-А18-118052590019-7 при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-77-30015).

Список литературы:

1. Замолодчиков, Д. Г., Грабовский, В. И., Краев, Г. Н. Динамика бюджета углерода лесов России за два последних десятилетия // Лесоведение. 2011. № 6. С. 16–28.
2. Замолодчиков, Д. Г. и др. Современное сокращение стока углерода в леса России // Доклады Академии наук. 2017. Т. 476. № 6. С. 719–721.
3. Пыжев, А.И., Ваганов, Е.А. Роль российских лесов в реализации Парижского климатического соглашения: возможности или риски? // ЭКО. 2019. № 11(545). С. 27–44. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-27-44.
4. Стеценко, А. В. и др. Парижское климатическое соглашение: возможности повышения конкурентоспособности отечественного бизнеса за счет сохранения лесов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 140–159.
5. Швиденко, А. З., Щепаченко, Д. Г. Углеродный бюджет лесов России // Сибирский лесной журнал. 2014. № 1. С. 69–92.
6. Granger C. W. J. Investigating Causal Relations by Econometric Models and Cross-spectral Methods // *Econometrica*. 1969. Vol. 37. No 3. Pp. 424–438.
7. Ivantsova E. D., Pyzhev A. I., Zander E. V. Economic consequences of insect pests outbreaks in Boreal Forests: A literature review // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 627–642.
8. Pesaran M. H., Shin Y. An Autoregressive Distributed-Lag Modelling Approach to Cointegration Analysis // *Econometrics and Economic Theory in the 20th Century: The Ragnar Frisch Centennial Symposium Econometric Society Monographs*. / Ed. S. Strøm : Cambridge University Press, 1999. Pp. 371–413.

Пыжев Игорь Сергеевич

ГРНТИ 06.03.07

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

О МОДЕЛИРОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Матричный подход к анализу институциональной среды, по мнению автора, заключается в пространственной интерпретации взаимосвязанных групп институтов, определяющих действия индивидов или их групп (Пыжев, Горячев, 2018 – 3; Пыжев, Горячев, 2018 – 4; Пыжев, Горячев, 2019). Например, с прикладной точки зрения особую важность, как известно, при анализе институциональной среды приобретает решение проблемы измерения эффектов и эффективности институциональных изменений. Ведь любое изменение одного института является причиной или следствием из-

менения другого. С помощью «институциональной матрицы возмещения вреда автомобильным дорогам общего пользования федерального значения» при исследовании институциональных изменений практически уже проведена вполне адекватная, на наш взгляд, оценка экономической эффективности институциональных изменений в границах рынка транспортных услуг (Горячев, 2018).

Представляется перспективной разработка способов описания и анализа соответствующих матриц. Это связано с тем, что в структуре одного института может быть только набор норм (правил), связанных с только с одним механизмом принуждения. Каждая норма, для которой необходим отдельный механизм принуждения, должна входить в структуру отдельного института. Таким образом, для исследования связанных институтов возникает необходимость выстраивания матриц, включающих такие связи.

В качестве элемента матрицы выступает институт, который описывается логической формулой на основе логической структуры института, включающей в себя содержание нормы, условия приложения нормы, субъекта или адресата нормы, характера действий, перечня санкций за нарушение нормы и гаранта (Ивин, 1973, Тамбовцев, 2004). При этом, в связи с тем, что механизм принуждения представляет собой по сути отдельный институт или даже институты со своей логической структурой, предлагается его (их) включать в матрицу в качестве отдельного (отдельных) элементов.

Тогда возникает пространственная матричная структура взаимосвязанных институтов универсального назначения пригодная для формального описания институциональной среды. С ее помощью можно операционализировать на основе соответствующих данных оценку эффективности и результативности системы институтов, а также их перманентных изменений. А это, в свою очередь, открывает широкие перспективы прикладного институционального анализа любого уровня.

Список литературы:

1. Горячев, В.П. (2018). Оценка экономической эффективности институциональных изменений на конкретном отраслевом рынке // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», № 2, с. 25–37.
2. Ивин, А.А. Логика норм / А.А. Ивин. – М.: Издательство Московского университета, 1973. – 121 с.
3. Пыжев, И. С., Горячев, В.П. (2018). Реализация теоретического подхода к оценке экономической эффективности институциональных изменений на отраслевом рынке // Terra Economicus, Т. 16, № 2, с. 99–113.
4. Пыжев, И. С., Горячев, В.П. (2018). Методическое обеспечение оценки экономической эффективности институциональных изменений на рынках // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), Т. 10, № 3, с. 85–101.
5. Пыжев, И.С., Горячев, В.П. (2019) Матричный подход к анализу институциональной среды // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ – 2019): материалы VI Международной научной конференции, Красноярск, 9–12 октября 2019 г. / ответственный за выпуск И.С. Пыжев. – Электронные данные (2,53 Мб). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 142 с. – С. 105-107.
6. Тамбовцев, В. Л. О разнообразии форм описания институтов / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 107–118.

ОЦЕНКА БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ С УЧЕТОМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА²¹

Разработка методологии расчета данного индикатора и внедрение в практику статистического учета позволит существенно расширить возможности анализа динамики социо-эколого-экономического благополучия населения России с целью применения результатов подобных исследований при принятии решений о развитии отдельных территорий и страны в целом.

Действующие в большинстве стран мира системы статистического учета, как правило, предназначены для решения узких задач и описывают отдельные аспекты явлений общественной и хозяйственной жизни с помощью достаточно тривиальных и легко интерпретируемых экономических измерителей. Следование парадигме максимизации экономического роста, измеренного с помощью Валового внутреннего продукта, не всегда обеспечивает увеличение благосостояния, если рассматривать экологические и социальные последствия развития экономики.

За последние десятилетия накоплен определенный опыт разработки альтернативных подходов к оценке благополучия населения на основе концепции устойчивого развития. В докладе представлена методология практической оценки одного из относительно новых индикаторов социо-эколого-экономического благополучия населения России – Индикатора истинного прогресса (Genuine Progress Indicator). Обсуждаются особенности и возможности расчета отдельных его компонент и возможность их расчета с учетом действующей в стране системы статистического учета. При должном развитии исследований с использованием ИИП данный показатель может стать альтернативой ВВП в качестве основного макропоказателя развития. Идея построения ИИП заключается в проведении коррекции расходов на личное потребление с учетом фактического распределения доходов населения на ценность нерыночных услуг, затраты на компенсацию индивидуального экологического ущерба, стоимости обеспечения (деградации) природных ресурсов. Таким образом обеспечивается учет всех трех компонент триады устойчивого развития: экономической, экологической и социальной.

Разработка методологии расчета данного индикатора и его внедрение в практику статистического учета позволит существенно расширить возможности анализа динамики социо-эколого-экономического благополучия населения России с целью применения результатов подобных исследований при принятии решений о развитии отдельных территорий и страны в целом.

²¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3319.2019.6.

Рыжих Ксения Эдуардовна

*Кафедра экономической теории и государственного управления
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
xenia.ryzhikh@gmail.com*

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ» В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА

По уровню производительности труда (ПТ) РФ отстает от развитых стран в среднем в 2,5-3 раза [1], поэтому Президентом неоднократно ставилась задача повышения ПТ. В частности, национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» (нацпроект) нацелен на рост ПТ на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики (БНО) не ниже 5 % в год в 2024 г. [2]. В 2019 г. в его реализации участвовали 36 регионов [3], из них особый интерес в вопросах ПТ представляют 10 регионов ресурсного типа, которые подвержены колебаниям конъюнктуры мировых рынков, но занимают важное место в экономике РФ [4]. Для них участие открывает возможность раскрытия потенциала несырьевого сектора экономики. Проблемой исследования является влияние отбора регионов на возможность трансляции лучших региональных практик.

На основании проведенного исследования получены результаты:

– Регионов ресурсного типа меньше среди участников проекта (28 %), чем среди регионов в целом (32 %).

– В 2019 г. в рамках федерального проекта «Адресная поддержка» 6 регионов ресурсного типа получили трансферты выше среднего (61,9 тыс. руб. на тыс. занятых), из них доля БНО выше среднероссийской (43,4 %) у Белгородской области, Пермского края, Самарской области и Татарстана, ниже – у Тюменской области и Ямало-Ненецкого автономного округа.

– Количество лучших региональных практик применения инструментов бережливого производства за период 2017-2019 гг. выше среднего (2,6) у 4 регионов ресурсного типа: Татарстан, Самарская и Белгородская области, Пермский край. Передачу опыта повышения ПТ наладили лишь Татарстан и Самарская область в основном в отношении регионов-участников с 2017-2018 гг., собравших количество практик выше среднего. Проблема передачи практик сохраняет значимость, поскольку обмен опытом осуществляют и в целом среди участников (7 из 16 регионов с количеством практик выше среднего), и среди регионов ресурсного типа (2 из 4) небольшое число регионов, он направлен преимущественно на регионы-участники с 2017-2018 гг.

Нацпроект подчеркивает значимость мер организационного характера повышения ПТ на предприятиях. При этом важна организация обмена опытом между регионами, сильно дифференцированными по индексу производительности труда и другим показателям социально-экономического развития, что и будет способствовать повышению ПТ в РФ, росту реального ВВП и благосостояния населения.

Список литературы:

1. Level of GDP per capita and productivity – URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=54563> (Дата обращения: 10.09.2020).

2. Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319210/ (дата обращения: 10.09.2020).

3. Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ планирования и реализации мероприятий национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»» – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/316/316dfb87833f8a900e3672099f4fd75d.pdf> (Дата обращения: 10.09.2020).

4. Курбатова М. В., Левин, С. Н., Каган, Е. С., Кислицын, Д. В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. № 3. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41135611> (Дата обращения: 10.09.2020).

Научный руководитель – доктор экономических наук, профессор Курбатова М. В.

Рыжкова Марина Вячеславовна

*доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики
Института экономики и менеджмента Национального исследовательского
Томского государственного университета, профессор Школы инженерного
предпринимательства Томского политехнического университета*

Замбалаева Туяна Баировна

*аспирант Института экономики и менеджмента
Национального исследовательского
Томского государственного университета*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ИХ СВОЙСТВА, ПОРОЖДАЮЩИЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ У КОНЕЧНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00352: Рынок цифровых платформ: сценарии преодоления потребительского сопротивления цифровизации

В современном мире технологии радикально преобразуют не только бизнес-процессы и государственное управление, но и жизнь обычных людей. Цифровые технологии, помогая потребителю обезопасить себя в экстремальных ситуациях, меняют привычный уклад жизни. В ближайшем будущем общество ждет ускорение технологического прогресса.

Задачей авторского коллектива проекта (РФФИ, № 19-010-00352) был отбор технологий и их приоритизация по силе сопротивления цифровизации. На начальном этапе были выбраны 8 технологий, в ходе работы остались 5 (AI, IoT, AR/VR, роботизация и блокчейн).

Для выявления параметров сопротивления внедрения различных технологий в мае 2020 года был проведен онлайн мозговой штурм с помощью сервиса Google Forms. Это был трехтуровый Дельфи, на каждом туре которого производилось обобщение вариантов, предложенных экспертами.

В мозговом штурме приняли участие 27 экспертов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Воронежа, Казани, Ростова-на-Дону, Петрозаводска, Томска, Иркутска и Улан-Удэ, в основном представители академического сообщества, экономисты, инженеры, социологи, философы, врачи, программисты, эксперты в области экономической политики и проблем экономической безопасности. Состав участников был стабильным до конца исследования.

Непосредственно свойства технологий, которые вызывают сопротивление, были получены в 1 туре, когда эксперты формулировали потенциальные угрозы по каждой из 5 технологий.

При анализе базы ответов экспертов оказалось так, что по всем технологиям оцениваемые опасения конечных потребителей примерно одинаковые. Обобщенно свойства технологий, которые вызывают сопротивление, следующие:

1. Прозрачность и отслеживаемость действий. Невозможность скрыть или изменить задним числом деятельность и операции в цифровой реальности.
2. Персонализация и анализ цифровых следов имеет следствием возможность манипулирования выбором потребителя.
3. Интеграция систем в рамках IoT ведет к повышенной открытости персональных данных и зависимости человека от работы систем.
4. Аналитика личной информации, интересов, движений нарушает безопасность пользователей и вторжение в личную жизнь.
5. Автоматизация функционирования, вызванная выполнением действий сугубо на запрограммированных алгоритмах.

Все пять выделенных свойств технологий, которые вызывают сопротивление, есть обратная сторона их достоинств. Общим принципом преодоления сопротивления цифровизации можно предположить экономическую чистую выгоду: тогда, когда явные преимущества технологий превысят перечисленные опасения, потребители перестанут сопротивляться внедрению цифровых новшеств.

Саблин Кирилл Сергеевич

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ: ИНСТРУМЕНТ МАКСИМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ VS. СПОСОБ СОИСКАНИЯ РЕНТЫ

Необходимость повышения конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках сырьевых товаров, продукции первого передела и высокотехнологичной продукции определяет «магистральную» проблему исследования. Специфика России, состоящая в социально-экономическом и ресурсно-географическом разнообразии регионов, привела к появлению ряда проблем, решение которых связано с поддержанием целостности рынков, «стягиванием» экономического пространства, обновлением и расширением инженерной и дорожной инфраструктуры, инвестированием в человеческий капитал. Текущее состояние экономики и социума в России характеризуется наличием «анклавов богатства».

«Анклавное» развитие связано с функционированием изолированного от остальной экономики высокопроизводительного экспортно-ресурсного сектора и предоставлением приближенным (и аффилированным) к власти узким группам экономических субъектов привилегий со стороны субъектов принятия политических решений. В рамках данной альтернативы развития «сужаются» возможности для внедрения шумпетерианских инноваций и модернизации других секторов экономики, формируются короткие и вертикальные цепочки добавленной стоимости. Направления инвестирования в человеческий капитал определяются добычей минерально-сырьевых ресурсов и обрабатывающими производствами первого передела [1]. Другая альтернатива представлена целостным развитием, и она характеризуется тем, что экспортно-ресурсный сектор порождает положительные внешние эффекты в других отраслях, происходит

создание длинных и горизонтальных цепочек добавленной стоимости, связанных, в том числе, с «сервисификацией» процесса добычи сырья и его последующей углубленной переработкой [2]. Спрос на человеческий капитал выступает условием для развития образовательной системы и научной сферы региона хозяйствования, происходит диверсификация экономики с комплементарным процессом формирования конкурентоспособных «полюсов/точек роста» в отраслях, не связанных с экспортно-ресурсной специализацией.

Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определил необходимость «осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека». Достижение поставленных целей предполагается через реализацию Национальных проектов. На наш взгляд, их успешное осуществление позволит «сдвинуть» развитие экономики и социума в направлении альтернативы целостного развития. Иными словами, Национальные проекты заявлены как инструмент формирования целостного развития, что отвечает интересам правящей группы, которые связаны с усилением конкурентных преимуществ страны на мировых экономических и политических рынках.

В то же время, предполагаемая значительная концентрация финансовых ресурсов, привлекаемых для осуществления Национальных проектов, создает основу для запуска процесса соискания ренты различными группами интересов. Соискание ренты представляет собой политическую деятельность индивидов и групп, расходующих ограниченные ресурсы для получения от государства определенных монопольных прав. В данном контексте успешная реализация Национальных проектов возможна под «патронажем» правящей группы в специально созданных условиях. Подобная практика получила название «карманов эффективности» в отношении развивающихся стран Латинской Америки и Африки [3-4]. Иначе говоря, для достижения целей Национальных проектов их реализацию необходимо проводить не в рамках «вертикали власти», а отдельными организациями и группами, на которые не распространяются общие «управленческие» нормы и рутины.

В целом, опыт стран с развивающимися рынками показывает, что масштабные инфраструктурные проекты, которые в значительной степени финансируются из бюджета, являются объектом постоянного соискания ренты. Подобное расточительное поведение представителей групп специальных интересов ведет к снижению общественного благосостояния. Однако пример отдельных стран показывает, что есть возможность достижения ограниченного успеха в реализации данных проектов в рамках «карманов эффективности».

Список литературы:

1. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / перевод с английского В. Ионова. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
2. Korinek J. The Mining Global Value Chain // OECD Trade Policy Papers. 2020. № 235. 41 p.
3. Johnson M. Donor Requirements and Pockets of Effectiveness in Senegal's Bureaucracy // Development Policy Review. 2015. Vol. 33. Is. 6. pp. 783-804.
4. McDonnell E. Patchwork Leviathan: How Pockets of Bureaucratic Governance Flourish within Institutionally Diverse Developing States // American Sociological Review. 2017. Vol. 82. Is. 3. pp. 476-510.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00352: Рынок цифровых платформ: сценарии преодоления потребительского сопротивления цифровизации

Отношения собственности являются важным элементом развития экономических систем. Представители новой институциональной теории показывают, что рост численности населения, переход к оседлому сельскому хозяйству привели к установлению исключительных прав собственности на используемые в производстве ресурсы. Несмотря на то, что общество вынуждено было нести дополнительные издержки поддержания сложившихся норм, это предотвращало сверхэксплуатацию используемого ресурса и обеспечивало производство в длительной перспективе.

Однако влияние собственности на хозяйственную систему обусловлено не только предъявлением спроса на спецификацию правомочий, но связано с глубинными процессами развития человеческой личности.

На основе проведенных в 80-е гг. исследований Р. Белк показал, что обладание внешними объектами воспринимается человеком как часть собственной идентичности. К так называемому расширенному «я» он относит тело человека, внутренние процессы (например, совесть), идеи, опыт, а также людей, места и вещи, к которым человек привязан. Более того, владение вещами, основанное на их создании и преобразовании, может рассматриваться как инструмент развития своего «я». Контроль над теми или иными объектами предметного мира определяет положение человека в иерархии общественных отношений, служит своеобразным отражением человеческой личности в материальном мире и, следовательно, является важнейшим источником мотивации к социально значимой деятельности. Затраты энергии человека (усилий, времени, внимания) служат, таким образом, обоснованием его притязаний на созданные объекты.

Взглянем теперь на современный мир: стремительная цифровизация привела к появлению множества нематериальных активов. Теперь нет необходимости собирать обширные библиотеки книг, печатать фотографии и отправлять почтовые карточки. Значительная часть жизни человека переместилась в цифровое пространство, где можно собрать любимую музыку и книги, поделиться фотографиями с друзьями и общаться с близкими, находящимися на другом конце планеты, практически в режиме реального времени.

Цифровой контент принципиально отличается от нецифровых аналогов. Он не имеет материального воплощения, и, хотя мы взаимодействуем с ним посредством некоторых устройств, он существует вне связи с ними, он изменчив и может многократно тиражироваться. Казалось бы, утрата материальной формы должна приводить к ослаблению чувства собственника, однако, как показали К.П. Кирк и С.Д. Суэйн, цифровые активы могут создавать ощущение принадлежности, даже если эти ощущения еще не закреплены формальными нормами, благодаря тому, что потребитель по-прежнему затрачивает собственную энергию на их создание. Доступность персонализированного цифрового контента создает у его потребителя ощущение своего места в цифровом мире.

И здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой: с одной стороны, потребитель цифровых технологий создает уникальный контент, который он воспринимает как свой собственный, но, с другой стороны, этот контент размещен на цифровых плат-

формах, чьи владельцы потенциально могут ограничить к нему доступ. Таким образом, исключительные права как ключевая характеристика собственника размываются, они теперь доступны не только тому, кто понес затраты на создание цифрового актива. Ощущение зависимости от владельцев цифровых технологий может породить у потребителей сопротивление внедрению новых технологий. Это, в свою очередь, требует переосмысления механизмов спецификации и защиты прав собственности в цифровую эпоху. Будучи более социальными по своей природе, цифровые технологии требуют большего доверия между экономическими субъектами, поэтому репутационные механизмы, общественное одобрение или неодобрение начинают играть более важную роль в обеспечении прав собственности, чем принуждение со стороны формальных норм.

**Соломенникова Елена Афанасьевна
Лугачева Лариса Ивановна
Мусатова Мария Михайловна**

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННО МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОНИКИ)

Актуальность исследования. К настоящему времени опорным промышленным каркасом социально-экономического и пространственного развития в России по-прежнему остаются региональные кластеры.

Согласно оценке Ассоциации кластеров и технопарков России, деятельность промышленных кластеров эффективна. Они созданы в 36 регионах России, объединяют более 630 предприятий; к концу 2020 г. будет произведено продукции импортозамещения на сумму 69,4 млрд руб. При этом на каждый рубль субсидий из федерального бюджета привлечено 5,5 руб. внебюджетных инвестиций от инициаторов проектов.

Исследование посвящено выделению этапов в развитии концепции образования и развития кластеров электроники, начиная с 2008 г. Выделено два этапа.

Первый (2008-2017 гг.) – характеризовался тем, что:

- **финансовой опорой** для многих кластеров были гранты;
- **государственные программы создания и поддержки кластеров** были реализованы на территориях с высокой концентрацией предприятий и организаций электронике в основном в центрально-европейской части страны (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж и т.д.);
- **наметилась тенденция регионального расширения зоны кластеров** (Омск, Томск, Новосибирск, Улан-Удэ и др.).

Второй этап с 2017 г. по настоящее время – в субъектах РФ обозначилась тенденция к формированию кластеров электроники «снизу» и в рамках нацпроектов. Компании сами создают промышленные кластеры:

в Новосибирске есть два кластера – промышленный кластер «Цифровая энергетика» в рамках нацпроекта «Цифровая экономика РФ» для производства комплексных продуктов для цифровизации электрических сетей и кластер по производству микро-, нано- и биоэлектроники;

в Бурятии – кластер высокотехнологичного машиностроения и приборостроения;
в Томске – кластер по выпуску оборудования для топливно-энергетического комплекса (его специализация – контрольно-измерительное оборудование).

В условиях постоянно меняющейся реальности и внешних вызовов концепция формирования кластеров подверглась трансформации: на старте санкционного режима главной целью было обеспечение импортозамещения в кратчайшие сроки, к 2017 г. ее дополнили экспортно-ориентированной направленностью выпуска инновационной продукции. Кроме того, **государство** стало стимулировать создание кластеров, выпускающих конкурентоспособную на мировом рынке продукцию (микроэлектроника на основе нитридных технологий, гибкая электроника и др.).

Этот тренд проявился в:

- **появлении кластера электронных приборов, материалов и компонент на базе предприятий-мировых лидеров** по производству синтетических сапфи́ров и электротехнического оборудования;
- **создании на платформе инновационных кластеров научно-производственных межотраслевых объединений (кластеров)**. Это новая кооперационная модель участников инновационного территориального кластера микроэлектроники «Зеленоград» на основе нитридных технологий.
- **переформатировании и интегрировании специализированных активов всех компаний в рамках радиоэлектронного кластера (РЭК) ГК «Ростех»** под управление Объединенной приборостроительной корпорации. Доминантные мотивы – консолидация разных компетенций для создания комплексных продуктов 4-ой промышленной революции.
- **привлечении в формат межотраслевых кластеров западных инвестиций, направленных на выполнение фундаментальных высокотехнологичных проектов**. АО «Роснано» предложило новый кластерный формат «Кластеры-семена» в электронике.

Кластерные образования в электронике России прошли путь от формата территориальных кластеров до отраслевых, в настоящее время – это формат межотраслевых форм разных территорий. И в ближайшем будущем, можно ожидать создание международных кластеров электроники, когда зарубежные партнеры станут полноценными участниками.

Сысоева Наталья Михайловна

*ФГБОУН Иркутский научный центр СО РАН,
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН*

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЗОНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОРИДОРА КИТАЙ – МОНГОЛИЯ – РОССИЯ

Интегрированность регионов в мировую экономическую систему является одним из факторов их успешного развития, и экономический коридор Китай-Монголия-Россия дает возможность формирования общего экономического пространства центральной части азиатского материка. Хозяйственный облик ареала коридора, расположенного на территории трех государств, имеет сходные черты и определяющими отраслями являются сельское хозяйство и добыча энергоресурсов.

Для приграничных и трансграничных зон во всем мире характерна повышенная экономическая активность местного населения. Но одной из проблем общего развития коридора является закрепление роли поставщика первичной продукции или полупро-

дуктов на мировые рынки. Это приводит к сосредоточению основных дивидендов от развития в руках внешних для региона корпораций и у государства. Еще одна проблема – сходство специализации затронутых регионов, что затрудняет развитие внутренних производственных цепочек.

Расширение низовых или укорененных секторов хозяйства, опирающихся на экономическую инициативу локальных сообществ, позволяет поднять уровень жизни всего населения и дифференцировать структуру экономики с реализацией интеграционного потенциала территории. Доля доходов домохозяйств от предпринимательства в разных частях коридора различна – она снижается при движении с юга на север от 25 % в Автономном районе Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики до 7 % в Иркутской области.

Состояние трансграничного взаимодействия населения анализировалось через движение капитала через российскую границу в зоне коридора и его функционирование в форме иностранных и совместных предприятий. Большая часть таких предприятий в Забайкальском крае и Бурятии образована физическими лицами, а не корпорациями.

Наибольшее число предприятий с иностранным капиталом зарегистрировано в оптовой торговле. Далее по численности предприятий следует строительство, и только после него – розничная торговля. В промышленном производстве присутствие малого иностранного бизнеса заметно в лесозаготовках, которые не требуют вложения больших средств, кроме того, рынок продукции также дифференцирован и включает мелких потребителей, в отличие от добычи минерального сырья. Т.е. в этой зоне интеграционная низовая деятельность происходит в отраслях инфраструктурного и посреднического характера, наиболее доступных для бизнеса отдельных граждан при минимальных инвестициях.

В целом в зоне экономического коридора преобладает представительство китайских компаний и граждан – учредителей бизнеса. Преобладание Китая характерно в наибольшей степени для Забайкалья и постепенно снижается с востока на запад. В Бурятии заметно присутствие монгольских учредителей, преимущественно граждан, в западной части зоны коридора появляются контрагенты из Казахстана. Направление такого взаимодействия происходит с юга на север, т.е. из Китая в Монголию и Россию и из Монголии в Россию. Особенно интенсивно интеграционные процессы происходят в приграничной зоне России и Монголии, где отсутствует визовый режим. Важным объединяющим фактором является этническая общность так называемого монгольского мира.

Необходимым условием для успешного развития в зоне коридора является повышение степени участия резидентов этой зоны, как в интернациональных инвестиционных проектах, так и в диверсификации собственной экономики, чтобы прибыль от новых производств могла оставаться и у населения. Основные направления такой политики – облегчение экономического взаимодействия между гражданами трех государств, расширение рынков и финансовых резервов для малого бизнеса.

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 20-010-00990 и № 19-45-240004.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПОНИМАНИЕ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Инструменты анализа институциональной теории многоплановы. Например, Дж. Коммонс утверждал, что в институциональной науке слились три подхода: экономический, правовой и этический [1]. Анализ транзакций – это, по сути, изучение «психологии сделок», в которых участие отдельных индивидов или их групп устанавливается посредством коллективных действий. Вклад в изучение контрактных отношений как механизма управления транзакциями внес О. Уильямсон [2]. Согласно его подходу «внутренний мир» контракта подвержен информационной асимметрии; и характеристикам поведения агентов, заключающих контракты. Автор предлагает классифицировать транзакционные издержки в соответствии с основными стадиями контрактного процесса: *ex ante* и *ex post* [2, С. 55]. Неполнота контрактов по Уильямсону может привести к невозможности адаптации акторов в условиях специфических транзакционных инвестиций. Кроме того, нужно различать формы альтернативных механизмов управления транзакциями (рынок, гибрид и иерархия), которые соответствуют различным транзакциям и адаптационным возможностям [3, Р.687].

Существуют многочисленные исследования, посвященные анализу контрактных отношений через призму теории транзакционных издержек. Например, вслед за Алчяном и Демсецом, рассматривая фирму как цепочку заключаемых контрактов, Дженсен и Меклин выделяют такой тип издержек как агентские издержки [4, Рр.305-360] П. Милгром и Дж. Робертс выделяют два основных вида издержек: издержки координации и издержки мотивации. Издержки координации могут возникать на этапе *ex ante* контрактного процесса, когда продавцы предпринимают усилия для того, чтобы собрать необходимую информацию о покупателях. Издержки мотивации – это «неспособность сторон гарантировать выполнение ими своих угроз или обещаний, от выполнения которых они впоследствии могут отказаться» [5, С.60].

В отечественных исследованиях можно встретить различные комбинированные варианты приведенных выше классификаций, например в работах А. Шаститко [6]. Попов Е. считает, что существуют транзакционные издержки производства и потребления информации, которые могут иметь экзогенный/эндогенный характер [7, С. 31-34]. Попытки моделирования контрактов и оценки транзакционных издержек были предприняты, например, в работе Е. Антоненко [8].

Как было отмечено в статье Фролова, в большинстве современных исследований транзакционные издержки трактуются в негативном ключе, их связывают с «трением», которое снижает количество, качество и скорость заключения сделок. Наряду с транзакционными издержками, автор предлагает изучать «транзакционные ценности» [9].

Список источников:

1. Коммонс, Д. Институциональная экономика // *Terra Economicus*. – 2012. – Т. 10. – №. 3. – С. 69-76.
2. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: пер. с англ. / О. Уильямсон // Санкт-Петербург.: Лениздат; CEV Press. - 1996.- С. 690
3. Williamson O. E. Transaction costs economics: the natural progression // *American Economic Review*. - 2010.-#100.-Р. 673-690

4. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure//Journal of Financial Economics. - 1973.- V. 3.- # 5. - pp.305-360

5. Милгром П., Дж. Робертс Экономика, организация и менеджмент: пер с англ.//Санкт-Петербург: Экономическая школа.-1999.- Т 1.- 392 с.

6. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория. - 3-е изд. перераб. и доп. – М: Экономический факультет МГУ.- ТЕИС.-2002.- 188 с.

7. Попов, Е. В. Транзакционное измерение институтов// Экономическая наука современной России.- 2011.- №2 (53). - С. 25-40

8. Антоненко, Е.В. Оценка транзакционных издержек ведения переговоров и заключения контракта на промышленном предприятии//Вестник УрФУ. Серия экономика и управление.- 2016.- Том 15.- №1.- С. 62-78

9. Фролов, Д.П. От транзакционных издержек – к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму// Вопросы экономики.- 2020.- №8.-С.51-82.

Удалых Станислав Кузьмич

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Расширенная аннотация доклада-статьи «КОМПЛЕКСНЫЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК БАЗОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ»

Реализация 12 национальных проектов, которые определены Президентом РФ в Указе от 07.05.2018 г. № 204, является главной задачей российского общества на период до 2024 г. На их осуществление в течение 2019-2024 гг. запланировано направить почти 26 трлн. руб. В первый год реализации всех проектов расходы федерального бюджета составили 1,6 трлн. руб., т.е. расходы исполнены лишь на 88,1 %. Особенно большое невыполнение по таким проектам как: «Цифровая экономика» – исполнение 53,6 %, «Экология» – 61,7 %, «Международная кооперация и экспорт» – 85,8%, «Производительность труда и поддержка занятости» – 85,9 %, «Образование» – 88,7 %.

Основные причины невыполнения: невысокие общие темпы роста экономики страны, низкий уровень контроля и исполнительской дисциплины, отсутствие системы мониторинга реализации проектов, сложная система государственных закупок материальных ресурсов и услуг, слабая по стране реклама о возведении объектов проектов, недостаточно развитая инфраструктура и др.

Успешному претворению в жизнь национальных проектов необходима производственная инфраструктура, являющаяся материальной базой для обеспечения проектов основными ресурсами. Поэтому Правительством РФ был разработан специальный 13-й национальный проект «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» (бюджет проекта составляет 6348,1 млрд. руб.). План содержит две части: транспортную инфраструктуру и энергетическую инфраструктуру. По нашему мнению, подобный состав плана является неполным, т.к. не включает важнейшую составляющую - строительную инфраструктуру, или так называемую строительную базу.

В теории и практике реализации различных проектов под строительной базой понимается совокупность предприятий, производств и организаций по разработке,

освоению и выпуску различных материальных ресурсов для возведения новых объектов, а также для реконструкции, модернизации и капитального ремонта действующих объектов (промышленных и гражданских зданий, жилых домов, дорог и мостов, плотин и дамб, линий электропередач, нефте- и газопроводов и пр.). Значение строительной базы весьма велико и уровень ее развития (производственные мощности, ассортимент и качество продукции, ее стоимость и сроки поставок на стройплощадки) во многом определяет успешное развитие национальной экономики, ее отдельных территорий, отраслей и производств.

Для строительства объектов почти всех национальных проектов требуется широкий набор материальных ресурсов. Основные строительные элементы (фундаменты, наружные и внутренние стены, перегородки, перекрытия, окна, двери, полы, лестницы, а также отделочные, теплоизоляционные, сантехнические, электромонтажные и другие работы) объектов предполагают организацию массового производства бетона, раствора, щебня, гравия, песка, кирпича, стеновых блоков и панелей, сборных железобетонных, металлических и деревянных конструкций, теплоизоляционных и полимерных материалов, сантехнических и электротехнических изделий и пр.

Анализ современного состояния российской строительной базы показывает, что производство многих видов стройматериалов в ряде регионов в настоящее время отсутствует. За последние два десятилетия закрылись и разрушены заводы кирпича, стеновых блоков, оконного стекла, гипса и гипсовых изделий, кровельных, теплоизоляционных и отделочных материалов, заводы сборных железобетонных изделий), заводы крупнопанельного домостроения, домостроительные комбинаты, заводы металлической арматуры и стальных конструкций и др. Поэтому в регионах (в т.ч. в сибирских) многие производства нужно создавать заново.

Нами предлагается нижеследующая система рекомендаций для возрождения объектов ранее действовавшей и создания объектов новой строительной базы с целью успешной реализации национальных проектов России:

- формирование таких общих принципов создания строительной базы как: региональный принцип; специализация развития строительной базы и создание отдельных особых федеральных предприятий строительной базы, комплексность строительной базы; максимальное использование местных природных ресурсов минерального сырья и отходов производства; развитие производства новых прогрессивных строительных материалов конструкций и деталей; снижение транспортных расходов на доставку материалов на стройплощадки;
- изучение прошлого опыта создания перспективных схем (программ, планов) размещения предприятий строительной базы на территориях регионов страны;
- технико-экономический анализ состояния действующих предприятий и хозяйств строительных материалов и конструкций с целью принятия решений о их производственных возможностях и, соответственно, о дальнейшей их судьбе (закрытие, реконструкция, модернизация);
- разработка, согласование и реализация федеральных и региональных схем (программ, планов) размещения предприятий строительных материалов, конструкций и деталей (с расчетами балансов мощностей предприятий, определением их номенклатуры продукции и объемов выпуска, определением конкретных мест размещения предприятий, количества рабочих мест, перечня основного оборудования, необходимых инвестиций);
- организация проектирования и сооружения отдельных предприятий строительной базы; заказ и монтаж технологического оборудования предприятий;
- обновление (актуализация) в регионах местной минерально-сырьевой базы для производства эффективных строительных ресурсов (уточнение количества и качества природных запасов сырья ранее изученных месторождений, организация геологической разведки и изучения новых месторождений строительного сырья, изучение и ис-

следование отходов промышленности с целью производства из них новых строительных материалов);

- организация устойчивого производства и снабжения строек объектов национальных проектов эффективными строительными материалами, конструкциями и деталями;
- решение вопросов устойчивого финансирования создания строительной базы на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

Для возведения объектов строительной базы национальных проектов в регионах имеются свободные производственные площадки. Региональными правительствами сформированы перечни (реестры) таких площадок, содержащие важные сведения для инвесторов: общая характеристика (расположение, площадь, возможность расширения, правовой статус площадки), наличие подъездных путей, характеристика инфраструктуры. Например, в каждом сибирском регионе выявлено несколько десятков свободных площадок. В Иркутской области на территориях 33 городских, районных и других муниципальных образований учтено около 130 таких реальных площадок, в большей части образовавшихся в результате закрытия и разрушения промышленных предприятий разных отраслей экономики. С целью организации на этих участках производств, в т.ч. местных строительных материалов, изделий и конструкций необходимы относительно большие объемы работ по демонтажу прежнего оборудования, разборке старых зданий и сооружений. Многие участки имеют весьма большие площади и определенную инфраструктуру.

Одним из главных условий реализации национальных проектов является сверхсрочное создание в ближайшие 1-2 года почти в каждом из 85 субъектов России мощных строительных баз по производству местных материальных ресурсов для строительства. Без строительных материалов, конструкций и изделий «прорывные планы» по выводу национальной экономики на новый технологический уровень могут быть не выполненными.

В общих затратах на реализацию национальных проектов не предусмотрены расходы на проект «Строительная база» (назовем этот наш проект пока так), что предполагает в перераспределение общей суммы 26 трлн. руб. или же изыскание дополнительной суммы на проект создания строительной базы. Таким образом, необходима разработка и реализация нового комплексного проекта, несколько опережающего по срокам создание объектов всех основных национальных проектов. При этом в состав самой строительной базы и в сумму прямых затрат на этот проект должны войти такие позиции как изыскательские, проектные, научно-исследовательские организации, машиностроительные заводы (создание оборудования для выпуска строительных материалов) и пр.

Создание развитой строительной базы в ряде сибирских регионов, по нашему мнению, означает решение следующих трех главных задач:

- существенное увеличение производственных мощностей и рост выпуска строительных материалов и конструкций (наиболее значимые проекты новых предприятий: заводы и цехи по производству блоков автоклавного твердения и сухих строительных смесей, заводы минерального утеплителя, домостроительных комбинатов по выпуску железобетонных изделий для многоэтажных зданий, заводов по производству элементов благоустройства и стенового ограждения, заводов по производству силикатных изделий – кирпича и стеновых блоков);
- структурные изменения в составе строительных материалов, конструкций, изделий, т.е. переход на выпуск инновационных энерго-эффективных материальных ресурсов и замена ими традиционно используемых в строительстве материалов (производство высокопрочного легкого заполнителя, зольной керамики, изделий на основе магнезиальных вяжущих, ячеистого стекла, асфальтобетонов на основе модифицированных битумных видов вяжущих, лакокрасочных и прочих материалов);

-значительное снижение стоимости строительных материальных ресурсов и стоимости самого строительного продукта – зданий, сооружений и других объектов (общее снижение стоимости производства и потребительских цен на строительные материалы в 1,3 – 2,0 раза; снижение рыночной стоимости 1 кв. метра жилой площади с 50-60 до 23-35 тыс. руб.).

Кроме того, требуется решение общероссийских задач по дальнейшему развитию в стране следующих отраслей:

- машиностроительной отрасли (создание и выпуск новых отечественных строительных машин, механизмов, технологического оборудования, инструмента и постепенное импортозамещение иностранной строительной техники и оборудования по производству строительных материалов);

- геолого-изыскательской отрасли (актуализация запасов уже открытых месторождений и изыскание новых месторождений минерально-строительного сырья в каждом регионе страны);

- проектной отрасли (возрождение проектных организаций разного профиля);

- строительной отрасли (создание на основе государственно-частного партнерства крупных региональных строительно-монтажных организаций разного профиля);

- образовательной отрасли (подготовка и переподготовка специалистов в области строительства и производства строительных материалов).

Филатова Наталья Геннадьевна

Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (РАНХиГС)

АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация

Проблематика. Инвестиционный климат в регионе зависит от качества институциональной среды и степени развития инфраструктуры финансовой поддержки предпринимательства. Институциональная система финансовой поддержки предпринимательства в регионах характеризует доступность финансовых ресурсов и эффективность проводимой региональными органами власти политики по стимулированию экономической активности бизнеса.

Современные исследования в области финансовой географии утверждают, что финансовые рынки наиболее подвержены пространственной концентрации. Пространственные различия в доступе к финансам объясняются действием агломерационных эффектов. В крупных городах с высокой степенью концентрации финансовых институтов кредитные источники финансирования более доступны для предпринимателей, чем в периферийных районах. Региональные отличия в доступе к финансовым ресурсам являются сдерживающими факторами экономической активности для периферийных регионов и отрицательно влияют на их инвестиционную привлекательность.

В отечественной экономике отмечается устойчивая тенденция к региональной неравномерности развития финансовых институтов. Пространственное развитие банков и гарантийных организаций характеризуется вытеснением региональных институтов и увеличением количества филиалов крупных столичных организаций в региональных финансовых центрах. Данные явления актуализируют поиск теоретических

предпосылок и внутрисистемных факторов неравномерной пространственной концентрации финансовых институтов развития.

Гипотеза. Агломерационные эффекты пространственной концентрации региональных институтов финансовой поддержки предпринимательства отрицательно влияют на инвестиционный климат региона и провоцируют углубление межрегиональных различий и неравенства.

Цель исследования – выявить агломерационные эффекты пространственной концентрации региональных институтов финансовой поддержки предпринимательства и их последствия на развитие инвестиционного климата.

Методы исследования. В качестве основных концептуальных подходов были выделены: теория агломерационной экономики, теория институциональных изменений и пространственная экономика.

Результаты Обзор научной литературы в области финансовой географии и новой экономической географии позволил выявить шесть групп агломерационных эффектов: усиление конкуренции между финансовыми организациями, устойчивость финансовых взаимосвязей, эффект пространственной привязки финансов (финансы легче перетекают в более «успешные» отрасли экономики), скорость обмена информацией в коммуникационных сетях (степень асимметричности распределения информации) и предпочтения финансовых организаций относительно структуры кредитного портфеля. Характер агломерационных эффектов может меняться в зависимости от экономического потенциала и институциональных особенностей развития региона.

В крупных городах с высокой пространственной концентрацией институтов финансовой поддержки предпринимательства совокупность действия агломерационных эффектов можно рассматривать в качестве положительных факторов способствующих экономическому росту. Для регионов с низкой пространственной концентрацией банков и гарантийных организаций агломерационные эффекты будут иметь отрицательные последствия – это миграция ресурсов, снижение экономической и инновационной активности бизнеса и, как следствие, ухудшение инвестиционного климата в регионе.

Выводы. Несмотря на цифровизацию финансового сектора и тенденцию к унификации процедур, оценки кредитных рисков фактор локализации институтов финансовой поддержки предпринимательства остается значимым для повышения инвестиционного климата в регионе. Количественные параметры оценки пространственной концентрации финансовых институтов могут быть полезны при разработке мероприятий по совершенствованию региональных инвестиционных стратегий и дополнению существующих методик оценки инвестиционного климата.

Список литературы:

1. Агеева, С. Д., Мишура, А. В. Региональная неравномерность развития банковских институтов // Регион: Экономика и Социология. – 2016. – № 1. – С.34-61.
2. Lee N., Brown R. Innovation, SMEs and the liability of distance: the demand and supply of bank funding in UK peripheral regions // Journal of Economic Geography. – Vol. 17. – Issue 1. – 2017. – Pp. 233–260. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbw011>
3. Lee N., Luca D. The big-city bias in access to finance: evidence from firm perceptions in almost 100 countries // Journal of Economic Geography. – Vol.19. - Issue 1. – 2019. – Pp. 199–224. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbx047>

**Фролова Елена Александровна
Клемашева Елена Игоревна
Маланина Вероника Анатольевна**

ФГАБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВА И СПРОС НА ПОЛИТИКУ ВЫРАВНИВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ²².

Высокое фактическое региональное неравенство - важная отличительная характеристика современного положения дел в РФ. Фактическое неравенство непосредственно связано с оценками допустимости (восприятием) неравенства. Установлено, что более высокий фактический уровень неравенства наблюдается в тех странах (регионах), где население более толерантно к неравенству. И именно воспринимаемое, а не фактическое неравенство является основанием политического запроса на инструменты перераспределения.

В данном исследовании проведена оценка восприятия неравенства и востребованности политики выравнивания в макрорегионах РФ. Используются данные 8 волны Европейского социального обзора (ESS-2016, N=2430).

Восприятие неравенства оценивалось на основе утверждений: «В справедливом обществе различия в жизненных стандартах не должны быть большими», «Важно, чтобы люди имели равные возможности и с каждым человеком обращались одинаково», «Большая разница в доходах приемлема, если она обусловлена личными усилиями и талантами».

Востребованность политики выравнивания оценивалась на основе утверждений: «Государство должно снижать различия в уровне доходов», «Социальные пособия предназначены только для лиц с самыми низкими доходами», «Именно государство несет полную меру ответственности за уровень жизни старшего поколения».

В результате сравнительного анализа влияния социально-демографических параметров на восприятие неравенства и запрос на политику перераспределения выявлены следующие особенности:

1. Отсутствуют различия в восприятии неравенства у мужчин и женщин (за исключением ЮФО и СКФО, что может свидетельствовать о наличии гендерной дискриминации в этнических республиках). В большинстве регионов спрос на политику выравнивания у мужчин незначительно, но превышает спрос со стороны женщин. Самая большая разница - в УФО (0,4).
2. Лояльность к неравенству в ПФО, ЮФО, СКФО, УФО несколько выше, чем в остальных регионах. Соответственно, ниже и запрос на политику выравнивания. Самые толерантные к неравенству - респонденты из ЮФО предъявляют самый низкий спрос на политику выравнивания. На обратной стороне этого спектра - жители СФО и ДВФО.
3. Во всех макрорегионах, за исключением СЗФО более лояльны к неравенству трудоспособные. Особенно большой разрыв между возрастными группами наблюдается в СФО и ДВФО (0,5-0,6 п). Старшее поколение во всех макрорегионах, кроме СЗФО, предъявляет более высокий спрос на политику выравнивания. В ЮФО и УФО - самые большие различия мнений (более 0,5 п.)
4. С точки зрения уровня доходов наблюдается отсутствие какой-либо устойчивой тенденции в восприятии неравенства в регионах РФ. В СЗФО и СКФО более лояльны к неравенству представители бедных слоев населения, в остальной части страны малообеспеченные в большей мере поддерживают ценности равенства. Существенные различия в оценках неравенства у богатых

и бедных наблюдаются в СЗФО и СФО (более 0,5) при этом в СЗФО лояльными к неравенству являются бедные, а в СФО - богатые. В ДВФО, СФО и УФО самый высокий спрос на инструменты перераспределения предъявляют бедные, в СКФО и ЮФО - средний класс, в СЗФО - богатые.

5. В СЗФО и СКФО работающие менее лояльны к неравенству, чем неработающие, в остальных макрорегионах все с точностью до наоборот. Самые большие различия наблюдаются в СФО, в ЮФО и занятые и незанятые солидарны в оценках. Существенной разницы в запросе на политику выравнивания не выявлено.
6. В большинстве регионов (кроме СЗФО и УФО) более лояльными к неравенству являются лица, которые никогда не состояли в браке. В 4 макрорегионах из 8 лица в разводе менее лояльны к неравенству, чем вдовы/вдовцы. Однако, в большинстве регионов (7 из 8) вдовы/вдовцы предъявляют самый высокий спрос на инструменты выравнивания.
7. Политические пристрастия респондентов. В СКФО сторонники как левых, так и правых политических взглядов крайне толерантны к неравенству. Самые большие различия среди представителей этих групп - в ЦФО, СЗФО и ДВФО. В ДВФО лояльными к неравенству являются сторонники «левых» идей, а в ЦФО и СЗФО - «правых». В большинстве регионов сторонники «левых» идей предъявляют больший спрос на инструменты выравнивания. Самая существенная разница между мнениями «левых» и «правых» – в СЗФО.

Таким образом, макрорегионы РФ формируют 3 кластера по степени лояльности к неравенству и востребованности политики перераспределения: высокая толерантность к неравенству и низкий запрос на политику перераспределения (ЮФО, ПФО, СКФО, УФО), средняя толерантность и средний запрос (ЦФО, СЗФО), низкая толерантность и высокий запрос (СФО, ДВФО).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00282).

**Хлопцов Дмитрий Михайлович
Фадеева Ольга Петровна**

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Сравнительный анализ рынка земли сибирских регионов ²²

В современной России в целом и в сибирских регионах в частности рыночный оборот земель в значительной степени осложнен незавершенностью процесса формирования института земельной собственности. Это снижает эффективность землепользования, способствует росту брошенных земель и обостряет проблему деградации земельных ресурсов. В этих условиях востребовано научное обоснование новой интегрированной комплексной земельной политики, стимулирующей развитие земельных отношений, способствующей привлечению инвестиций, обеспечивающей надежное

²² *Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00088 «Архитектура земельных отношений и специфика землепользования в сибирских регионах: экономико-социологический подход»*

основание для взаимовыгодного партнерства между государством и бизнесом, нацеленной на устойчивое развитие сельских и городских территорий.

Авторами проведен анализ рынка земельных участков различного назначения в сибирских регионах. Выявлено, что средняя цена участков в регионе существенно ниже по сравнению со средним значением цены в центральных городах данных регионов. Особенно резкое различие демонстрирует рынок Новосибирского региона, на котором средняя стоимость участков в областном центре более чем в 35 раз превышает этот показатель в области. Также как и в Томской области, большая часть участков на рынке Новосибирской области (46 % от общего объема предложения) и Алтайского края (74 %) представлена участками до 5000 кв. м. Стоимость участков этого интервала площади значительно, в 2-3 раза, превышает стоимость более крупных земельных участков. Показательны различия в инвестиционной активности в городах и регионах Сибири: количество земельных участков, предлагаемых на рынке к продаже или аренде, в областных центрах, как правило, в 5-8 раз выше, чем на всей остальной территории. Эти факты подтверждают положения новой институциональной теории о влиянии структуры прав собственности на использование земли и развитие рынка.

Низкое предложение и цена свидетельствуют о фактическом отсутствии рынка купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения в регионах СФО. Так, исследование рынка летом 2020 года показало, что во всех районах исследованных областей и краев на продажу выставлены не более 100 земельных участков из категории сельхозземель. Их площадь варьируется в интервале от 10 га до 2000 га, а цена – от 4,4 тыс. руб./га (44 руб./сотка или 0,44 руб./кв.м.) до 62,7 тыс. руб./га (627 руб./сотка или 6,27 руб./кв.м.).

Согласно подходам новой институциональной теории, структура прав собственности на землю влияет на эффективность использования земли [Furubotn & Pejovich, 1972]. Установление и защита прав собственности на землю способствуют уменьшению провалов рынка и усиливают качество землепользования, так как повышается инвестиционная активность, формируются условия для внедрения новых технологий [Bubb, 2013; Arnot, 2011]. Проведенный анализ земельного рынка показывает, что сегодня невысокая эффективность землепользования обоснована не только незавершенностью процесса формирования института земельной собственности, высокими транзакционными издержками по вовлечению в хозяйственный оборот брошенных земель, слабостью механизмов защиты прав земельных собственников, но и отсутствием экономических механизмов действенного регулирования локальных земельных рынков.

Чиков Михаил Владимирович

ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПРЕЖДАЮЩИХ СИГНАЛОВ
ОТ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЦИФРОВОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ**

Анализ масштабных процессов цифровизации, меняющих структуру и качество социально-экономических отношений, выдвигает на первый план проблему восприятия потребителями новых цифровых технологий и их реакций на возможные угрозы, которые за ними стоят. Типы потребительских реакций могут быть различными, начиная от активного принятия технологии до полного или частичного отказа и готовности инициировать институциональные ограничения. Такие потребительские ре-

акции могут свидетельствовать о наличии цифрового сопротивления и, по существу, определяться сложившимися институтами.

В рамках нашего исследования мы провели анализ упреждающих сигналов от потребителей о возникновении цифрового сопротивления новым технологиям. В случае «активного принятия» технологии потребитель становится невнимателен к своему телу вследствие общения в виртуальном пространстве и может испытывать психические перегрузки, что неизбежно приведет к повышению расходов на помощь психиатров, особые методики снятия стресса и пр. В некоторых случаях, чтобы избежать полной деградации, государство может стать субъектом цифрового сопротивления и ввести ограничения в потребительское поведение. Возможным сигналом о том, что цифровое сопротивление возможно, может стать высокий интерес потребителей к здоровому образу жизни, т.е. когда потребительская ценность физического и психологического здоровья выше, чем выгоды от использования технологии. Основными упреждающими маркерами данного сигнала может быть рост запросов и контента в сети интернет о негативном влиянии цифровых технологий на физическое и/или психологическое здоровье, рост числа обращений за психологической помощью прямо или косвенно связанной с взаимодействием с цифровым пространством, спрос на технологии родительского контроля и пр.

В случае «вынужденного принятия» технологии, когда потребитель относительно пассивен в ее освоении, возможным сигналом о цифровом сопротивлении может стать сознательное искажение информации о себе в цифровом пространстве и использование блокировщиков рекламы. Основными упреждающими маркерами этого сигнала может быть предоставление неполной или недостоверной информации, рост количества фейковых профилей в соцсетях, рост запросов на применение инструментов блокировки рекламы, рост запросов на обход систем контроля (в том числе Антиплагиата) и т.п.

В случае отказа от использования технологии или частичного ограничения (откладывание) возможными сигналами о цифровом сопротивлении могут быть отложенное во времени потребление, когда потребители ждут отзывов от других пользователей (частота обращения к соответствующему контенту), уход в оффлайн (увеличение количества удаленных аккаунтов, обращение к сервисам по удалению персональных данных из цифрового пространства; рост спроса на продукты, услуги, развлекательные мероприятия, не связанные с цифровыми технологиями и т.п.) или физическое уничтожение цифровой инфраструктуры (пример с вышками 5G во время пандемии коронавируса).

Упреждающим сигналом о цифровом сопротивлении может быть активный переход на дублирующие технологии (дублирование информации на традиционных носителях, активный поиск информации о наличии дублирующих технологий и т.п.). Потребительские реакции могут предполагать кооперативные формы поведения, в этом случае возможным упреждающим сигналом может быть появление сообществ по контролю за технологиями и защите от угроз (рост количества ассоциаций потребителей, количество групп в соц.сетях и пр.).

Наконец, в случае ожидания потребителями установления универсальных норм сверху, регламентирующих действия владельцев цифровой технологии и устанавливающие контроль за их соблюдением, упреждающим сигналом может быть инициация нормотворчества в цифровой сфере и регулирование цифрового мошенничества (количество отозванных прав распоряжаться персональными данными; количество обращений к поставщику рекламы или соответствующим органам с жалобами на нарушения; количество проектов законов, регулирующих применение цифровых технологий и пр.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00352: Рынок цифровых платформ: сценарии преодоления потребительского сопротивления цифровизации

Шатова Мария Николаевна

*Научный руководитель – д. э. н., профессор Барышева Г. А.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск, Российская Федерация
mns6@tpu.ru*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. Институциональное проектирование, реорганизация и совершенствование гибкости и устойчивости институциональной системы в сфере недропользования в нефтегазовом комплексе Томской области становятся новыми возможностями на фоне экономического кризиса. Реализация новых форм взаимодействия и предпосылки к формированию новых институтов наблюдаются в ходе развития проекта освоения палеозойских отложений Томской области и извлечения трудноизвлекаемых запасов. В результате преобразований в институциональной системе ужесточение условий рыночной конъюнктуры и воздействие кризисной ситуации может эффективно повлиять на качество проектных решений и рентабельность разработки месторождений с трудноизвлекаемыми запасами и повысить социально-экономическое положение региона в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: институциональное проектирование, недропользование, проект, палеозой, трудноизвлекаемые запасы, финансирование, критерии рентабельности

Проекты по разработке нефтяных и газовых месторождений Томской области в соответствии с потребностями развития экономики работают над освоением новых стратиграфических горизонтов. Перспективными с точки зрения значительного увеличения добычи нефти горизонтами являются палеозойские отложения доюрского комплекса на территории Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Их освоение с целью наращивания крупных запасов углеводородов и воспроизводства минерально-сырьевой базы представлялось безальтернативной задачей для региона в докризисное время [1]. Изменение платежеспособного спроса и обвал нефтяных цен, вынужденная приостановка операционной деятельности способствуют пересмотру недропользователями стратегических планов действий в отношении разработки залежей с трудноизвлекаемыми запасами.

Текущая ситуация определяет необходимость прежде всего правильной расстановки приоритетов развития предприятиями, включения их в новые формы взаимодействия, создания инновационных бизнес-моделей и реорганизации институциональной системы регулирования недропользования в целом.

Логично обусловленным является реорганизация институциональной структуры, включающая в себя изменения в системе государственного регулирования недропользования, формирование новых форм взаимодействия участников процессов освоения недр [2]. Известно, что месторождения с трудноизвлекаемыми запасами, содержащимися в палеозойских залежах, обладают индивидуальной рентабельностью и требуют специальных подходов и технологий освоения. Трансформация отдельных подсистем внутри масштабной институциональной структуры в сфере недропользования позволит сделать ее более гибкой и устойчивой, подготовленной к рациональному и мгновенному реагированию на возникающие сложнейшие задачи.

Новые формы активного взаимодействия уже успешно создаются и реализуются при совместной плодотворной работе производственного и научного сообщества над проектом общенационального характера «Палеозой» – «Разработка технологии поиска потенциально-продуктивных объектов в отложениях доюрского комплекса Том-

ской области». В рамках проекта сотрудничают Администрация Томской области, ООО «Газпромнефть-Восток» и Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Кроме того, принято решение о создании открытого специализированного полигона для тестирования технологических решений в области трудноизвлекаемых запасов по доюрскому комплексу Западной Сибири [3]. Наряду с выполнением своего основного назначения по отработке технологий полигон может способствовать формированию новых правил и процедур взаимодействия участников процессов освоения сложных природных объектов [4].

В целях повышения эффективности совместной работы участников проекта запускается цифровая платформа проекта, объединяющую массивы данных. Онлайн-платформа аккумулирует результаты всех научных исследований по изучению закономерностей строения залежей, данные геологоразведочных работ, поисково-оценочного бурения и разработки месторождений. Помимо данных блока геологии и разработки палеозойских залежей, собираются и хранятся данные в сфере государственной поддержки, налогообложения проекта и формирования технологического полигона в Томской области.

Социально-экономическое положение региона находится в тесной зависимости от условий функционирования нефтегазодобывающей отрасли [5]. Томская область отличается высокими научно-образовательным потенциалом и уровнем благосостояния населения. Привлекательным представляется сохранение усиления социально-экономического развития, благополучия населения региона и соблюдения принципов высокой социальной и экологической ответственности при старательной максимизации финансового результата нефтегазового предприятия. Заинтересованность со стороны государства как собственника недр, а также региональной власти выражается в финансовой поддержке, предоставлении налоговых преференций. К налоговым мерам относятся льгота по налогу на прибыль, выраженная в уменьшении налоговой ставки до 13,5 % и уменьшение исчислений к уплате суммы по налогу на имущество организаций в размере 75 % в соответствии с законом Томской области от 18.03.2003 г. № 30-ОЗ «О предоставлении дополнительных налоговых льгот организациям, осуществляющим инвестиционную деятельность на территории Томской области» [6].

Реорганизация и совершенствование гибкости и устойчивости институциональной системы в сфере недропользования региона становится новой возможностью на фоне экономического кризиса. В новых условиях нефтегазодобывающее производство станет более бережливым и рациональным при формировании новых форм взаимодействия. В долгосрочной перспективе проект разработки палеозойских горизонтов позволит увеличить количество рабочих мест, решить задачу с многолетней падающей добычей и необеспеченным приростом запасов углеводородов.

Список литературы:

1. Шарф, И.В., Шатова, М.Н. Перспективы освоения палеозойских отложений Томской области // Нефтегазовое дело. – 2019. – № 6. – С. 177-193.
2. Токарев, А.Н. Институциональные аспекты инновационного развития нефтегазового комплекса // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ – 2019): материалы VI Международной научной конференции, Красноярск, 9-12 октября 2019 г. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. – С. 127-128.
3. Протокол установочного совещания по проектированию открытого полигона для тестирования технологических решений по освоению месторождений трудноизвлекаемых запасов нефти от 26.02.2020

4. Крюков, В.А., Севастьянова, А.Е., Токарев, А.Н., Шмат, В.В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. – 2017. – Т.13. – № 1. – С.93-105.
5. Севастьянова, А.Е. Не быть заложником текущих обстоятельств (результаты инновационного развития Томской области) // ЭКО. – 2017. Т. 47 – №1. – С. 120-134.
6. Закон Томской области «О предоставлении дополнительных налоговых льгот организациям, осуществляющим инвестиционную деятельность на территории Томской области» [Электронный ресурс] от 18.03.2003 № 30-ОЗ (с изменениями на 6 мая 2019) // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

**Щербакова Людмила Николаевна
Савинцева Светлана Александровна**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

СПЕЦИФИКА ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Революция информационных технологий вызвала к жизни новое социальное явление – цифровое неравенство. Достаточно часто для его понимания можно использовать следующее определение: разрыв между странами, находящимися в ядре Интернета, и странами периферии, которые испытывают недостаток в навыках, ресурсах и инфраструктуре. Исследования, посвященные новой форме социальной дифференциации, расширялись по мере изучения самой информационной экономики. Разработанный Международным Союзом электросвязи специальный показатель (индекс) информационного развития стран, базирующийся на ежегодно собираемых сведениях о продвижении цифровых технологий, может служить индикатором информационной дифференциации стран. Однако этот индекс достаточно молод, отражает несовершенство представлений и оценок цифровой экономики, поэтому не в полной мере учитывает содержательную сторону цифрового неравенства, в том числе, применительно к отдельным национальным экономикам. В таком случае, еще сложнее будет говорить о региональном цифровом неравенстве.

Определимся с особенностями цифровой дифференциации вообще, затем проанализируем эти аспекты по отношению к регионам. Во-первых, научной проблемой является оценка самого наличия цифрового неравенства. В начале информационной революции страны Европы и Северной Америки были лидерами в развитии информационных технологий, включая производство компьютеров, количество пользователей Интернета и владельцев сотовых телефонов. Меры, принятые Окинавской Хартией, привели к выравниванию показателей цифрового развития. В 2000-ые годы темпы прироста цифрового общества в странах среднего и даже низшего уровня развития превысили развитые страны. Появилось мнение об исчезновении цифрового разрыва, соответственно – об отсутствии необходимости цифровой помощи развивающимся странам. Однако и в настоящий момент есть причины углубления цифрового неравенства. Во-вторых, несмотря на активный прирост публикаций по цифровому неравенству, многие авторы не выделяют технический и экономический аспекты в его содержании, что упрощает представление о нем. Первым исследованиям по информационному неравенству характерен чисто технический подход: различие выявлялось в количестве пользователей Интернета, обеспеченности мобильной связью, проникновении в широкополосной Интернет. Для современной экономической аналитики важны такие показатели неравенства, которые отражают неравенство доходов в зависимости

от применения цифровых технологий. В-третьих, углубляет понимание категории цифрового неравенства выделение двух форм цифрового неравенства: воспроизводственного и динамичного цифрового неравенства. Их можно трактовать и как последовательно сменяющие друг друга формы, и как двойственную суть явления современного цифрового неравенства. Воспроизводственное цифровое неравенство означает повторение, преломление уже существующих отношений неравенства только применительно к информационной сфере. Динамичное цифровое неравенство реализуется лидерами цифровых рынков с целью использования цифрового разрыва как орудия в информационных войнах, средство увеличения преимуществ и получения экономических выгод.

На уровне регионов можно отметить следующие особенности цифрового неравенства. Воспроизводственное цифровое неравенство проявляется в наличии регионов-локомотивов, то есть отдельные регионы типа Москва, Московская область, лидирующие по показателям экономического и социального развития, имеют высокие показатели освоения новых технологий. Динамичное цифровое неравенство на региональном уровне реализуется слабо из-за высокого уровня импортозависимости отрасли в целом по России.

Различие в техническом и экономическом цифровом неравенстве в регионах слабо отмечается. Как правило, регионы, широко использующие информационные технологии, то есть технически продвинутые, имеют и более высокий уровень доходов, то есть отличаются экономическим цифровым неравенством.